

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

15.2

3 выпуска в год на многих языках

Индийская социология

Раджеш Мисра
Мэтрэйи Чаудхури
Индира Рамарао
Арвиндер Аснари
Шрути Тамбе

Радикализованный мейнстрим

Сабрина Заяк
Эмануэле Тоскано
Анна-Мария Меут
Терри Гивенс
Дамла Кешкекчи
Паша Дашгард
Андреа Гриппо
Сумрин Калия
Роберто Скарамуццино
Сесилия Сантили

Теоретические подходы

Анахид Аль-Хардан
Джулиан Го

Открытый раздел

- > Дарси Рибейро и одна глобальная теория с Юга
- > Подавление палестинской солидарности в Германии
- > Критика антиженского урбанизма в Иране

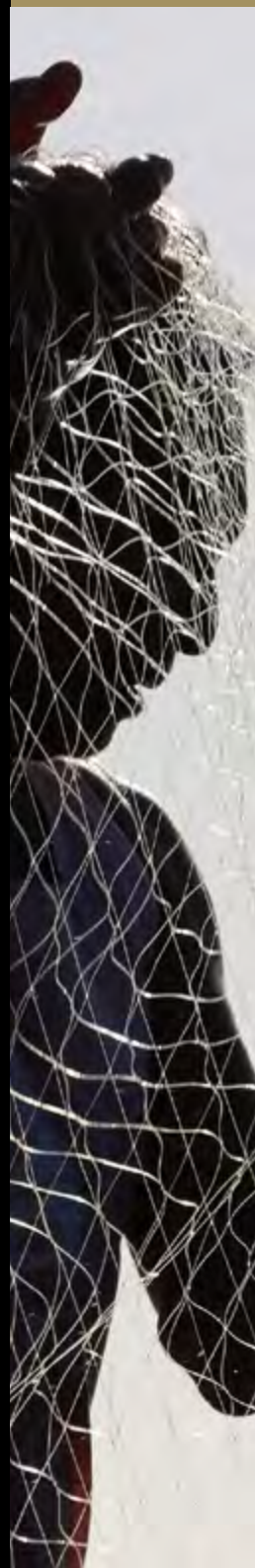
ЖУРНАЛ

International
Sociological
Association
isa

ТОМ 15 / ВЫПУСК 2 / АВГУСТ 2025
<https://globaldialogue.isa-sociology.org/>

ГД

> От редакции

Второй номер этого года открывается блоком статей об Индии, родине одного из наиболее ярких социологических сообществ. В разделе, посвященном индийской социологии, пять ведущих интеллектуалов этой страны обсуждают такие проблемы, как напряжение между самобытной индийской и западными социологиями, продолжающиеся попытки деколонизации мысли, историческое развитие и региональную специфику индийской социологии, а также влияние феминизма и общественных движений. Освещая эти центральные темы индийских дебатов, мы отдаем должное Индийскому Социологическому Обществу, основанному в 1951 году, которое проведет свою 50 ежегодную конференцию в декабре 2025 года.

Основной тематический раздел этого номера посвящен нормализации крайне правых. Сабрина Заяк, Эмануэль Тоскано и Анна-Мария Мет подготовили подборку из семи статей, которые показывают, что крайне правые уже стали «новой нормальностью». Исследователи провокативно описывают этот тренд как «радикализованный мейнстрим», указывая на широко распространенную нормализацию авторитарных, сексистских, этно-националистических, анти-мигрантских, отрицающих права и антиплюралистических идеологий. Авторы анализируют разнообразные развивающиеся стратегии, с помощью которых крайне правые добиваются легитимности и переформируют политический и культурный ландшафт. Нормализация политики крайне правых анализируется на примере сдвига в европейских партийных системах, роли цифровых платформ в продвижении экстремистского контекста в мейнстрим и радикализации мужских пространств самосовершенствования в маносфере (manosphere). Вовлеченность крайне правых в мир моды анализируется как не броское, но мощное орудие форми-

рования идентичности и идеологической диффузии. Далее тексты показывают, как крайне правые акторы проникают в гражданское общество в глобальном и локальном контекстах, а популистские режимы реконструируют гражданское пространство, стимулируя его на поддержку повестки авторитаризма и исключительности.

В разделе «Теоретические подходы» палестинский социолог Анахид Ал-Хардан и американский социолог Джулиан Го рассматривают антиколониальную мысль как живой источник критической социальной теории. Они утверждают, что антиколониальная борьба стала источником производства оригинальных понятий и инсайтов, которые бросают вызов империалистическим эпистемологиям. Они не считают географическую идентичность источником критики; генеративной основой диссидентской теории, по их мнению, является позиционный антиколониальный подход.

Мы завершаем этот номер тремя статьями «Открытого раздела». Первая из них посвящена наследию бразильского мыслителя Дарси Рибейро и его вкладу в развитие глобальной социологии. Вторая анализирует войну в Газе в германском контексте, обсуждая инструментализацию антисемитизма, замалчивание несогласия и различные формы репрессий в отношении проявления солидарности с Палестиной в академической и публичной сферах. Последняя статья посвящена критике производства сегментированного женского городского пространства в Иране.

Следующий номер ГД будет посвящен основателю и первому редактору нашего журнала, Майклу Буравому, недавно трагически ушедшему от нас. Если у вас есть идеи и предложения, пожалуйста пишите нам. ■

Брено Брингель, редактор *Глобального диалога*

> Все выпуски *Глобального диалога* доступны на [сайте](#).

> Статьи для публикации присылайте на: globaldialogue@isa-sociology.org.

isa International
Sociological
Association

**GLOBAL
DIALOGUE**

> Редакционный совет

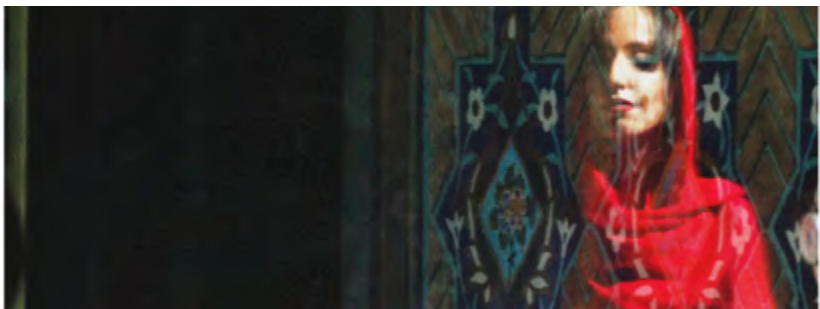
- Редактор:** Брено Брингель.
- Помощники редактора:** Витория Гонзалес, Каролина Вестена.
- Ассоциированный редактор:** Кристофер Эванс.
- Управляющие редакторы:** Лола Бусуттил, Август Бага.
- Консультанты:** Бригитт Ауленбахер, Клаус Дёрре.
- Региональные редакторы**
- Арабский мир:** (Ливан) Сари Ханафи, (Тунис) Фатима Радуани, Сафуан Трабелси.
- Аргентина:** Магдалена Лемус, Хуан Парсио, Данте Маркиссио.
- Бангладеш:** Хабибуль Хондкер, Хайруль Чоудхури, Шайх Мохаммад Каис, Абдур Рашид, Мохаммад Джахирул Ислам, Тухид Хан, Хелал Уддин, Масудур Рахман, Расел Хуссейн, Рума Парвин, Ясмин Султана, Мд. Шахидул Ислам, Садия Бинта Заман, Фархин Актер Бхуян, Арифур Рахаман, Экрамул Кабир Рана, Салех Аль Мамун, Аламгир Кабир, Сурайя Актер, Таслима Насрин, Мохаммад Насим, С. Мд. Шахин.
- Бразилия:** Фабрисо Масизл, Андреса Галли, Жозе Гирадо Нето, Жессика Маззини Мендес, Карин Пассос.
- Индия:** Рашми Джайн, Маниш Ядав
- Индонезия:** Хари Нугрохо, Люсия Ратих Кусумадеви, Фина Итрияи, Индра Ратна Иравати Паттинасарани, Бенедиктус Хари Джулиаван, Мохаммад Шохибудин, Домингус Элсид Ли, Арио Сето, Нурул Айни, Адитья Прадана Сетиади, Русфадия Сактиянти Джахджа, Хармантьо Прадигто Утомо, Грегориус Рагил Вибаванто.
- Иран:** Рейханех Джавади, Ниаеш Долати, Эльхам Шуштаризаде, Али Рагеб.
- Польша:** Александра Бьернацка, Анна Тернер, Джоанна Беднарек, Себастьян Сосновски.
- Румыния:** Ралука Попеску, Раиса-Габриэла Замфиреску, Бьянка Елена Михэилэ.
- Россия:** Елена Здравомыслова, Дарья Холодова.
- Тайвань:** Ван-Ю Ли, Жи Хао Керк, Йи-Шуо Хуанг, Марк Ю-Вен Ляо, Юн-Джу Лин, Тао-Юн Лю, Ни Ли.
- Турция:** Гюль Чорбаджиоглу.
- Франция/Испания:** Лола Бусуттил.

Тематический раздел, посвященный **индийской социологии** представляет некоторые дебаты об одном из самых динамичных социологических сообществ мира.

Тематический раздел о **нормализации крайне правых и радикализованном мейнстриме** исследует, как идеи, которые всегда считалось крайне правыми, теперь становятся новой нормой.

Открытый раздел включает статьи о наследии бразильского мыслителя Дарси Рибейро, войне в Газе в германском контексте и о женщинах в городском пространстве Ирана.

Иллюстрация обложки: Таурино, рыбак в Марахо (Пара, Бразилия). Фото Лары Сарторио Гонсалвес, 2025.

Глобальный диалог выходит благодаря щедрому гранту SAGE Publications.

> В этом номере

От редакции 2

> ИНДИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Диалог различий:
самобытные идеи и западная социология

Раджеш Мисра, Индия 5

Повседневные практики социологии в Индии:
деколонизация в ретроспективе

Мэтрэйи Чаудхури, Индия 8

Социология Южной Индии

Индира Рамарао, Индия 10

Женщины в индийской социологии:
феминистский вклад, педагогика и практика.

Арвиндер Ансари, Индия 12

Переосмысление исследований общественных движений в Индии

Шрути Тамбе, Индия 15

> РАДИКАЛИЗОВАННЫЙ МЕЙНСТРИМ

Нормализация крайне правых и радикализованный мейнстрим

**Сабрина Заяк, Германия, Эмануэле Тоскано, Италия
и Анна-Мария Меут, Германия** 18

От радикальных правых к мейнстримным правам:
сдвиг в европейской партийной системе

Терри Гивенс, Канада 21

Из маргиналов в ленту новостей:
платформенный мейнстриминг ультраправых

Дамла Кешкекчи, Италия 23

Оптимизация маскулинности: мужские сети
самосовершенствования и поля идеологической борьбы

Паша Даштгард, США 26

Мода как оружие крайне правых

Андреа Гриппо, Австрия 29

Наступление крайне правых сил на гражданское общество

Сумрин Калия, Германия 31

Влияние популистского управления на защиту интересов
гражданского общества

Роберто Скарамуццино и Сесилия Сантили, Швеция 34

> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Антиколониализм в истории и социальной теории

Анахид Аль-Хардан и Джулиан Го, США 37

> ОТКРЫТЫЙ РАЗДЕЛ

Дарси Рибейро и глобальная теория с Юга

Аделия Миглевич-Рибейро, Бразилия 40

Инструментализация антисемитизма: многоликая
репрессия палестинской солидарности в Германии

Анонимные авторы, Германия 43

Фрагментированный город: критика
антиженского урбанизма в Иране

Армита Халатбари Лимаки, Иран 47

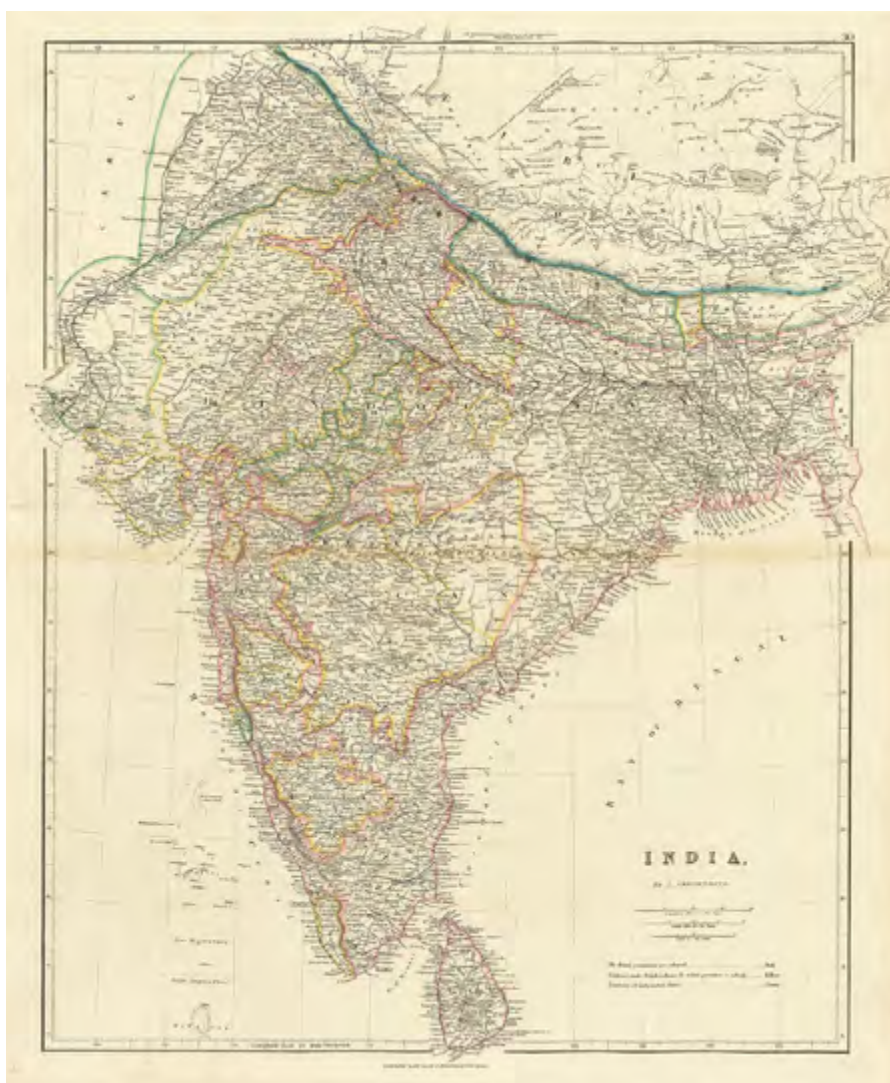
“Двойное движение нормализации крайне правых приводит к радикализации мейнстрима и является сигналом более широкого социально-политического тренда, который размывает границы между крайней и центральной позицией, между экстремистскими и умеренными взглядами”

Дамла Кешкекчи

> Диалог различий: самобытные идеи и западная социология

Раджеш Мисра, Университет Лакхнау, Индия

Рис.: Джон Эрроусмит, открытый доступ
через Wikimedia Commons.

Обсуждение деколонизальности и индигенной социологии стало популярной темой в 1990е годы, однако, социология Индии с самого начала своего существования подчеркивала значимость самобытных понятий и мировоззрений. Этот акцент особенно проявился в двух контекстах: социально-политическом и интеллектуально-идеологическом.

> Социология, основанная на взаимосвязи борьбы за свободу и западных интеллектуальных традиций

Социология как научная дисциплина зародилась в Индии в начале 20-го века, аналогично Франции, Британии и Германии. Первое отделение социологии было

открыто Максом Вебером в Университете Людвига Максимилиана в Мюнхене в 1919 году. Однако в Бомбее планировалось открытие социологического департамента уже накануне Первой Мировой Войны в 1914 году. Первый индийский социологический журнал *The Indian Sociologist*, начал издаваться в Лондоне в 1905; он был основан борцом за освобождение Индии Шямджи Кришна Вермой (Shyamji Krishna Verma); в тот же год были опубликованы *Sociological Papers*, что, в конце концов, в 1907 году привело к учреждению *The Sociological Review* – первого британского социологического журнала. Еще один индийский журнал *The Indian Sociological Review* начал издаваться в 1920х гг. – он был основан американским философом британского происхождения из Бароды. Стоит отметить различное происхождение редакторов двух изданий. В основании индийской социологии лежит динамическая взаимосвязь между идеологическими предпочтениями, порожденными борьбой за свободу и растущим влиянием западных интеллектуальных традиций.

Несмотря на то, что Индия находилась под британским владычеством и иностранным влиянием, и тот факт, что повестка производства знания и системы образования были навязаны ей извне, мощные политические и социальные трансформации 1920х годов привели к прорыву в политическом осознании идеи объединения против британского правления, запустили антиколониальное движение за независимость, крестьянские движения и рабочие забастовки. Это десятилетие отмечено также реализацией репрессивного Закона Роуллетта (Rowlatt Act) и принятием Закона о самоуправлении Индии в 1919 году, а также подъемом таких движений, как Хилафат (Khilafat), движение неповиновения (non-cooperation movement) и созданием профсоюзов. Всеиндийский Конгресс Профсоюзов был основан в 1920 году, затем – в 1925 г. – была создана коммунистическая партия. В конце 1920х, на политическую арену вышло освободительное движение, привлекающее большие группы населения; оно стало во главе самых крупных протестов. Более того, стали появляться организации, представляющие «низшие касты», которые подвергали критике господство «высших классов» и обеспечили себе несколько мест в Законодательном Совете Мадраса.

Все эти общественные движения и организации в основном возглавлялись эмерджентным средним классом, воспитанным в европейских традициях и, тем не менее, черпающим дух сопротивления в индийском культурном наследии. Другой сегмент образованного среднего класса был вовлечен в профессии, связанные с наукой и интеллектуальными поисками. На фоне беспокойной политической обстановки на интеллектуальном уровне возникали попытки интеграции индигенных подходов с социальными науками, либеральными искусствами и политическими теориями.

> Долгая история многоликой философии

Индигенизация социологии может быть представлена также в философском и интеллектуальном контексте. Индийское философское и интеллектуальное наследие

является одним из самых древних в мировой культуре и крайне разнообразным; оно включает многочисленные школы мысли и охватывает широкий спектр тем. Исторически индийская философия не только была сформирована культурными, духовными и интеллектуальными течениями субконтинента, но и оказала на его развитие огромное влияние. Различные школы индийской философии вырабатывали уникальные подходы к метафизике, эпистемологии, этике и духовности, подчеркивая способы формирования повседневной социальной жизни, нормы и ценности.

В средневековье индийская философия переживала значительный рост и креативное слияние индуизма и исламской мысли наряду с возникновением Bhakti и Sufi, что привело к большому разнообразию культурного пейзажа. В последнее время публичные интеллектуалы и ученые объединяют древние инсайты и современную проблематику, защищают идеи универсального братства и ненасильственного сопротивления. Многоликий характер индийской философии проявляется в богатом переплетении различных элементов, каждый из которых вносит свой вклад в более глубокое понимание существования, общества и вселенной. Это наследие не только является отображением прошлого, но и способствует пониманию будущего. Оно влияет на развитие индийской социологии и, в более широком смысле, формирует политическое и идеологическое мышление.

> Социология для Индии или социология Индии?

В этих двух контекстах индийская социология постоянно обсуждала индигенизацию, контекстуализацию и европоцентричность академических хабов того времени – Бомбея (Мумбай), Калькутты (Кольката) и Лакхнау. Первоначально социология в Индии занимала подчиненную позицию в институциональном развитии; она часто рассматривалась как остаточная дисциплина по сравнению с антропологией, экономикой, философией и правом. Однако социологические практики Бомбея, Лакхнау и Калькутты стремились выделить авторитетную независимую траекторию, используя понятия и подходы, которые были укоренены в индийских реалиях, сохраняя при этом уникальность своих позиций.

Три подхода особенно настойчиво стремятся интегрировать самобытные представления в более широкие социологические перспективы. Первый – традиционалистский подход – полностью отрицает парадигму западной социологии, утверждая, что уникальные характеристики и особенности индийского общества могут быть поняты и интерпретированы в рамках классических философских подходов и с опорой на индигенные понятия, которые в настоящее время описываются как индийская (индуистская) система знания. Второй подход является строго социологическим и фокусируется на применении западных социологических рамок и методологий для анализа как всеобщих социетальных характеристик, так и особенностей индийского общества. Третья перспектива стремится к сочетанию динамичных характеристик индийских традиций с западными традициями, признавая влияние западной социальной теории и философских практик при

сохранении индийского философского мировоззрения и культурного разнообразия индийского общества. Этот тренд проявляется в попытке триангуляции ведийской философии (Vedantic), герменевтики и марксистской диалектики в объяснении рационализации индийской традиции.

Если первый подход представляет собой закрытый монолог, то третий – способствует диалогу между самобытными подходами и западной социологией, создавая глобальный разговор. Уместно отметить, что ведущие индийские социологи были вовлечены в захватывающий спор между двумя оппонирующими взглядами: «социология для Индии» и «социология Индии». Эта дискуссия обсуждает вопрос о том, должны ли индийские социологи фокусироваться на изучении и интерпретации специфики индийского общества или они должны рассматривать все общества и Индию как одно из обществ глобального мира. В последнее время активно развивается дискурс постколониальности, итоги которого еще непонятны.

> Продолжение и развитие диалога между индигенной и западной социологией

В период независимости мы наблюдаем интеграцию самобытных подходов и европейских методологий социальных наук; признание традиционных систем знания и культурных практик сочетается с высокой оценкой применимости западных социологических подходов для анализа современных экономических изменений, политических сдвигов и социетальных трансформаций. Довольно часто западные социологические подходы оставляют без внимания особенности индийских социальных систем, что приводит к необходимости деколонизации академических позиций и дисциплин в постколониальной Индии, призванной усилить интеллектуальную автономию. В этом контексте находки индийских социологов подчеркивают необходимость изучения культурных практик, разнообразия, сельских сообществ, кастовых структур, родственных связей, этнических идентичностей, кастовой дискриминации, аграрных движений, социального активизма, социетальных изменений и экономического прогресса. Это особенно справедливо в период после провозглашения независимости Индии, когда предлагались новые понятия и модели, способствующие осмыслению индийского общества в исторической, культурной и традиционной перспективах.

Несмотря на то, что индуистская система знания обладает своими особенностями и творчески сочетается с различными восточными подходами, западная система знания обладает безусловной привлекательностью и практической полезностью. В этом контексте темы, понятия, методы и теории западной социологии остаются преобладающими, несмотря на сильную традицию индигенизации и контекстуализации. Можно утверждать, что разговор между индигенной и западной социологией продолжается и отображает прогресс дисциплины.

Кроме того, процесс индигенизации протекает в контексте глобализации, что приводит к возникновению таких исследовательских направлений, как изучение Далитов (Dalit studies), исследования племен, гендерные исследования. Эти исследовательские поля формируются в рамках субалтерных и критических подходов. Индийские социологи вносят вклад в глобальную социологию, предлагая самобытное видение роли традиционных обществ в переходе к модерну. Хотя традиционно социология остается социальной наукой, которая в основном развивалась на Западе под влиянием Западных парадигм, было бы неверно считать, что в индийской социологии на всем протяжении ее истории, в колониальную эпоху и после обретения независимости, доминировали исключительно западные теории.

С самого начала развития социологии в Индии возникали инициативы, стремящиеся добиться признания индигенных мировоззрений и идей. Свидетельством этому является разнообразие позиций, представленных в работах, которые посвящены индийскому контексту, независимо от того, опираются они на индийскую интеллектуальную традицию или западные социологические понятия. Несмотря на устойчивые сложности сочетания традиционных ценностей и современных практик, индигенных подходов и глобальных трендов, мы наблюдаем постоянные попытки усилить индигенную социологию и интегрировать индигенное видение в глобальную социологию. ■

Адрес для связи: <rajeshsocio@gmail.com>

> Повседневные практики социологии в Индии: деколонизация в ретроспективе

Мэтрэйи Чаудхури, Президент Индийского Социологического Общества и Университета им. Джавахарлала Неру в Дели, Индия

Социология и антропология в Индии начали развиваться еще в колониальный период. Отношения между этими дисциплинами всегда были близкими, но напряженными. Вследствие этого связи между колониализмом и социологией в Индии являются глубокими и сложными. В последние годы опубликовано множество исследований, [посвященных истории](#) дисциплин и отношению между колониальной мыслью и социальной теорией.

На местном уровне в рамках индийской социологии, однако, много лет развивается дебат о границах применения чуждых понятий и поиске самобытности, что подтверждается даже беглым обзором тематики таких изданий, как *Sociological Bulletin*, *Contributions to Indian Sociology* и *Seminar*.

На глобальном уровне деколониальность стала очень модным словом. Однако, парадоксальным образом, это довольно свежий импортный продукт в такой некогда колонизованной стране, как Индия. Деколониальный подход стремится ответить на следующие вопросы: можно ли поиски индийской социологии считать «деколонизирующими» в том смысле, в котором этот термин сейчас используется? Привело ли долгое и настойчивое сопротивление академическому колониализму к консенсусу индийских социологов по поводу того, что означает критика западных категорий?

Ответ на последний вопрос сложно сформулировать однозначно. Многие индийские социологи прошлого разделяли общую озабоченность строительством национального государства, социальными реформами и, что не маловажно, ценностью науки. Тем не менее, существовало другое интеллектуальное направление, которое долгое время замалчивалось – это адвокаты уникальной культуры Индии, опирающейся на собственный набор аналитических категорий. Однако в рамках этой общей позиции существовали значимые различия. Подъем индуистского национализма (Хиндута) придал легитимность и наделил властью идею гегемонной Индийской Системы Знания (ИСЗ). В рамках этого подхода было апроприировано понятие деколониальности, которое ставит вопрос о том, как мы понимаем де-колониализм.

> Деколониальность как практика (doing)

Работы по деколониальности показывают, что деколонизация не является единичной вещью – скорее, это процесс «де-

“доколониация предлагает нам язык говорения”

лания», который лучше схватывается глаголом и потому является процессом. Мой педагогический опыт и использование западных текстов при обучении заставляет меня переосмыслить практики деколонизации. Я задаю себе ретроспективный вопрос: стала бы я использовать термин «деколониация», если бы он существовал в то время? Я опираюсь на два типа опыта: чтение курса по гендеру и исследование феминизма в Индии; и чтение курса о категориях социальных изменений в Индии. Контекстуально значимо, что я поступила в университет как студентка в конце 1970х гг. и начала преподавать в конце 1980х гг.

> Преподавание гендера, признание феминизма

В нашей локальной академической повседневности постоянно присутствует Глобальный Север. Его присутствие не исчерпывается программой обучения. Читая курс «Женщины и общество» в начале 1990х гг., я чувствовала некоторую неловкость, обращаясь с самого начала в качестве обязательной литературы в либеральным, социалистическим и радикальным феминистским теориям, представленным в западных учебниках. Более осмысленным мне представлялось с самого начала обращение к истории. Однако только в ретроспективе я осознала почему столь значимой для преподавания была историзация. Это связано с тем, что доступные в то время теоретические рамки не предусматривали пространства различных историй.

Гул обсуждения множественности обществ модерна еще не достиг наших берегов, как и дискурс провинциализации Европы. Феминизм третьего мира еще не стал существенным дополнением интернационализированной программы обучения на Глобальном Севере. Мы все еще боролись, страдая от нехватки языка для доказательства того, что в нашем контексте глобальные истории разво-

>>

рачивались особенным образом. Таким образом наше общество модерна было другим, как и наша история феминизма.

Когда я работала над текстом, посвященным концептуальному объяснению феминизма в Индии, я поняла многое благодаря стоявшим передо мной повседневным вызовам. Первый из них заключался в массовом убеждении, что феминизм в Индии не существовал. В ретроспективе я поняла, что имеется в виду: у нас не было дебата сходного с тем, который представлен в статье *The Unhappy Marriage of Marxism and Feminism* [Несчастливый брак марксизма и феминизма]. Во-вторых, я осознала очевидный, но часто не замечаемый факт, что в отличие от западных феминисток, у которых существовал выбор между тем вовлекаться в западный феминизм или нет, для незападных феминисток и антифеминисток такого выбора не существовало. Для нас, сам факт приобщения к модерности был опосредован колониализмом, с которым мы получили весь пакет идей и институций, таких как национализм и демократия, свободный рынок и социализм, марксизм и феминизм.

В-третьих, наступило признание того, что контексты циркуляции знания изменились. В колониальный период природа западного современного идеологического влияния и антиколониальное сопротивление были непосредственно политическими; они были связаны с различными общественными движениями – среднего класса, антикастовых социальных реформаторов, националистов, коммунистов или *Adivasis*. Общественные движения стремились артикулировать конкретную идентичность и творить историю. Для участниц женского движения это стремление часто находило выражение через отрицание. «Я не феминистка» — это утверждение часто высказывалось женщинами, которые были ключевыми политическими фигурами, что вело к вопросу о том, стоит ли нам судить о них по самоопределению или лучше делать выводы, оценивая их действия и их последствия для общества.

В-четвертых, осознание того, что феминизм в Индии обсуждался, но иначе, чем на Западе, заняло много времени особенно потому, что попытки артикуляции различия происходили в контексте, не информированном ни о языке различия, ни о соответствующих ему современных представлениях о политической легитимности. Понятия, которые сегодня спонтанно слетают с языка и пера, – «гендерное конструирование», «перформативность», «патриархат», «интерсекциональность» – столетие назад циркулировали в другой терминологии. Лишь впоследствии большинство индийских феминисток осознали, что они являются [аналитиками интерсекциональности](#).

> Преподавание теории социальных изменений в Индии

Долгое время индийская социология находилась в состоянии постоянного догоняющего, запаздывающего освоения [понятий, созданных на Западе](#). Поэтому несмотря на то, что теория модернизации в течение десятилетий доминировала в индийской социологии, не ослабевало желание развивать понятия, которые считались самобытными. На память приходят многочисленные семинары, посвященные санскритизации, которая рассматривалась как пример аутентичного

понятийного творчества. На этих семинарах феминистские и антикастовые подходы, как ранее марксистские, рассматривались как не имеющие ничего общего с академической социологией.

На лекциях по социологии мы изучали модернизацию как процесс изменений в направлении тех типов социальных, экономических и политических систем, которые получили развитие в Западной Европе и Северной Америке. Считалось, что эти социальные паттерны будут распространяться в глобальном масштабе. Мы также усваивали, что существует культурное отставание, но с течением времени мы тоже придём к развитию институций, аналогичных тем, которые работают в экономически развитых обществах, что приведет, в конечном счете, к эффекту конвергенции обществ. Колониализм оставался без внимания. Это было более чем странно в стране, где с детства мы знали о работах Наораджи (Dadabhai Naoraji, 1825-1917), и, в особенности о его книге *Poverty and Un-British Rule in India* [Бедность и небританское правление в Индии], которая считалась ранней критикой неравномерного развития и примером теории индийской «утечки богатств» («wealth drain»). Таким образом даже когда мы познакомились с работами Андре Гундер Франка (André Gunder Frank) и теориями недоразвитости (underdevelopment), они стали дополнением к основной структуралистской парадигме, которая была лекалом для индийской социологии.

Основные релевантные для индийских социологов идеи теории модернизации – это представления о (не)совместимости между «традиционными структурными и культурными характеристиками» и «развитием». Историки современной Индии показали, что в то время как западная модернизация вела к урбанизации, в Индии разрушение ручного ткачества, сопровождаемого наплывом товаров из Британии, привели к обнищанию ткачей, которые переселялись в массовом порядке в аграрные части Индии. Некоторые из них стали частью договорной рабочей силы сахарных и хлопковых плантаций таких удаленных территорий, как Карибы или Британская/Голландская/ Французская Гвиана. Когда я начала читать курс по модернизации Индии, я постепенно уходила от изучения культурного запаздывания и усложняла изложение, погружаясь в проблематику исторических особенностей нашего столкновения с модерном, опосредованного колониализмом. Необходимо было уйти от абстрактной теории и обратиться к истории, примерно так же, как и в случае освоения феминистской проблематики.

> Заключение

Только ретроспективный взгляд помогает понять, почему обращение к историческим деталям было для нас столь значимым и почему истории практик Глобального Юга (histories of doing) стали историями теоретизирования. Наши истории не нашли себе место в современных теоретических подходах, поскольку антиколониальные движения и антиколониальная мысль оставались невидимыми для социологического мейнстрима. Деколонизация предлагает нам язык говорения, когда мы обнаруживаем бесплодность популярных научных терминов и опасаемся эффектов апроприации категорий. ■

Адрес для связи: maitrayeec@gmail.com

> Социология Южной Индии

Индира Рамарао, бывший Президент Индийского Социологического Общества и Университета в Майсуре, Индия

Социология Южной Индии зародилась во второй декаде двадцатого века. Она пережила три периода: 1900-1950, 1950-2000, и 2000-2024 (до сего дня). Регион Южной Индии включает пять штатов: Андхра Прадеш, Карнатака, Керала, Тамил Наду и объединенная территория Пудучерри.

> 1900-1950

Потребность в социологическом анализе социальных феноменов нашла выход уже в 1915 году, когда экономист из Кембриджа, Гилберт Слейтер стал главой экономического факультета Университета Мадраса. Слейтер полагал, что преподавание экономики индийским студентам можно считать полноценным только если они узнают, что такое общество и – что еще важнее – что представляют собой сельские общины Индии. Его исследования индийских деревень *Some South Indian Villages* [Некоторые деревни Южной Индии] было опубликовано издательством Oxford University Press в 1918 году. Я рассматриваю эту работу как основание развития того, что мы сегодня называем междисциплинарным или мультидисциплинарным исследованием.

Аналогичная попытка была предпринята в 1917 году, когда во главе факультета философии Колледжа Магараджи в Майсуре стал А.Р. Вадиа, прибывший на этот пост из Колледжа Вильсона в Мумбае. Вадиа стремился придать философии социологическую направленность; эта идея была поддержана Бражендрой Нат Силом (Brajendra Nath Seal), который в то время был вице-канцлером Университета. Он способствовал включению социологии в образовательную программу студентов, изучающих социальную философию. Решение Вадии развивать социологические исследования привело также к созданию первой программы подготовки социологов в Индии в 1928 году. Еще одним этапом в истории социологии Южной Индии стало открытие годичной магистратуры по социологии в 1949 году.

В Университете Османии в Хидерабаде социологическая программа для студентов была интегрирована в обучение на Отделении Экономики; только в 1937-38 академическом году дисциплина обрела самостоятельность. Социология получила статус полноценного факультета в 1947 году, когда была открыта первая аспирантура (про-

грамма для постградов). В 1956 году, в период реорганизации штатов по лингвистическому критерию, только в университетах Майсура и Османии были открыты магистерские программы.

В штате Керала, преподавание социологии как отдельного предмета началось в 1930е годы; курсы по социологии читались в колледжах для студентов экономики, истории и политической науки. Необходимо отметить, что все соответствующие учреждения были аффилированы с Университетом Мадраса.

В поле исследований, хотелось бы особенно отметить работы австрийского этнолога Кристофа фон Фюрер-Хаймендорфа, который стал почетным профессором Университета Османии и советником администрации Низам Колледжа в 1945 году. Он не только запустил аспирантские классы по социологии в Университете Османии, но и инициировал крупные исследования масштабных перемещений племен в этом штате. Наиболее известны проведенные Фюрер-Хаймендорфом исследования племенных сообществ Ченчу, Бхил, Радж Гонд.

> 1950-2000

Это пятидесятилетие является наиболее активным периодом истории социологии Южной Индии как по критерию роста числа учреждений, так и в отношении исследовательской деятельности. В университетах и колледжах процветало социологическое образование. На университетском уровне были открыты магистерские и исследовательские программы, в колледжах читались курсы по социологии для будущих бакалавров.

В штате Карнатака в этот период магистерские программы были открыты в шести университетах; при каждом из них были колледжи, где социология преподавалась на уровне бакалавриата. В 1970 году был основан Институт Социальных Изменений (ICSSR) в Бангалоре (Карнатака).

В объединенном штате Андхра Прадеш аспирантура по социологии была открыта в семи университетах, в Тамил Наду – в 10 институциях, восемь из которых были университетами, одна – частный колледж и институт. В Центральном Университете Пудучерри социологическое отделение было открыто в 1993 году.

“социологические факультеты на юге Индии проводили новаторские исследования индийского общества”

Керала уникальна в том отношении, что образовательные программы по социологии были открыты в колледжах, а в университеты наша дисциплина пришла только в 1969 году. В упомянутых выше колледжах сформировалась исследовательская культура, которая обычно считается прерогативой программ аспирантского уровня. Примером этому является знаменитая монография Джозефа Путунакамы *Marriage and Family in Kerala* [Брак и семья в Керале], посвященная системе родства в Керале, написанная во время его работы в социологическом департаменте Колледжа Лойолы в Тируванантхпуре.

В начале 1950х социологические факультеты на юге Индии проводили новаторские исследования индийского общества. Шямахаран Дьюб (Shyamacharan Dube), который положил начало исследованиям индийских деревень, в 1952 году стал преподавателем отделения социологии в Университете Османии. Его замечательная работа *Indian Village*, опубликованная в 1955, была написана на основе исследования Шамирпета, селения, расположенного недалеко от Секундерабада. Эта публикация считается [первой книгой о конкретной деревне южной Азии](#). В 1954 году американский антрополог из Чикагского Университета Милтон Сингер по приглашению правительства начал изучение изменений аграрного общества в штате Мадрас (как он тогда назывался). Результаты исследования роли традиции в индустриализованном городе Мадрасе и санскритской традиции в современных городских поселениях были опубликованы в классической работе *When a Great Tradition Modernizes: An Anthropological Approach to Indian Tradition* [Модернизация великой традиции: антропологический подход к индийской традиции] (1955 г.). Работы М.Н. Шриниваса *Marriage and Family in Mysore* [Брак и семья в Майсуре] (1942) и *Religion and Society among the Coorgs of South India* [Религия и общество в жизни кургов Южной Индии] были опубликованы, когда он работал на социологическом факультете Бомбейского Университета.

В 1970е и 1980е на социологических факультетах штата Карнатака по заказу национальных властей и администрации штата выполнялись исследовательские проекты, посвященные социальным проблемам. Эти проекты, в основном, фокусировались на анализе конкретных ситу-

аций и предлагали рекомендации по решению проблем. Представления о том, что исследования должны проводиться для социального действия, были широко распространены в социологическом сообществе. Одним из примеров этого тренда является исследование жилищных условий сельской бедноты, кастовых групп и племен, проведенное С. Парватаммой.

В 1950-2000 гг. наблюдался максимальный рост числа университетов и образовательных программ по социологии в Южной Индии. Однако, начиная с 2000г., когда контроль высшего образования перешел от государственного сектора к частному, для социологии настали менее благоприятные времена.

> 2000-2024

В 21 веке в южных штатах было открыто много новых университетов, в основном частных. Но даже в новых государственных университетах социология переживала упадок. Классическим примером этого тренда является штат Карнатака. Правительство штата в этот период открыло 37 университетов, при этом социологические отделения были только в девяти из них. В период между 2000 и 2023 гг. было открыто 39 частных университетов; в настоящее время только два из них готовят социологов. В штате Андхра Прадеш было открыто 49 университетов, в шт. Телангана (отделившемся от Андхра Прадеш в 2014 году) – 28. Только в трех из этих университетов готовят социологов. В Тамил Наду и в Керале ни в одном из новых частных университетов не готовят социологов. Радует только то, что социология по-прежнему преподается в колледжах.

> Заключение

Траектория социологии в Южной Индии поднимает множество вопросов, которые требуют серьезного обсуждения. Первый из них касается разрывов в информации по истории дисциплины в разных регионах юга. Мы не располагаем систематическими данными, позволяющими судить о паттерне роста или причинах упадка социологии. Существует также большой разрыв в исследовательских направлениях, развиваемых в разных университетах и критической оценке результатов и значимости этих исследований. Безусловно на многих факультетах проводились новаторские исследования, но в настоящее время фактически отсутствует документация, оценка их релевантности и нет попыток провести лонгитюдные исследования на их базе. Отдавая должное значимости PhD проектов, отмечу, что большая часть исследований ориентирована на получение академической степени и не опирается на серьезный обзор поля. Очевидна потребность серьезного разговора о педагогических практиках и качестве оценивания. ■

Адрес для связи: <ramaraoindira@gmail.com>

> Женщины в индийской социологии

Феминистский вклад, педагогика и практика

Арвиндер Ансари, Исламский Университет Джамиа-Миллия, Индия

Эволюция индийской социологии происходила под глубоким влиянием интеллектуального наследия колониализма, национализма и модерна. Эти исторические процессы отдавали предпочтение определенным способам производства знания, которые часто находились в альянсе с патриархальными, брамическими и европоцентричными взглядами. Кроме того, эти исторические процессы часто исключали альтернативные модусы знания и маргинализировали субалтерные перспективы. В рамках этих господствующих структур женщины, в основном, позиционировались как объекты социологических исследований, а не как полноправные производители знания или теоретики. Их роли часто ограничивались анализом семьи, родства, репродукции и социальных ролей, что редуцировало реальность их жизни до отдельных показателей более широких социологических нарративов. Если женский опыт становился видимым как объект научных исследований, то в канонических историях нашей дисциплины интеллектуальный вклад женщин оставался, в основном, невидимым и недостаточно представленным в институциональных пространствах признания и авторитета. Считается, что такая маргинализация не является случайной, а отражает более глубокие пласты структурного и эпистемического исключения, которое по-прежнему типично для индийского общества. Чтобы осмыслить эти проблемы, мы должны заново исследовать историю социальных наук и, руководствуясь феминистским подходом, сделать так, чтобы интеллектуальная работа женщин была признана как существенно значимая для развития этих полей производства знания.

В этом очерке представлен обзор феминистского вклада в индийскую социологию и подчеркивается трансформирующее влияние женщин-социологов на развитие дисциплины. Я исследую значимые результаты работы женщин в сферах педагогики, методологии и институционального лидерства, подчеркивая те вызовы сексистским традициям и господствующим парадигмам, которые они формировали. Я обсуждаю новаторские идеи таких мыслителей, как Тира Десаи, Вина Мазундар, Мэйтрейи Кришнарадж, Сужата Пател, Мэйтрейи Чаудхури и Шармила Рее, которые деконструировали маскулинные эпистемологии, инкорпорировали рефлексивность, эпистемический плюрализм и интерсекциональность как ключевые методологии производства социального знания. Я считаю, что женский вклад является не просто дополняющим, но и фундаментальным для эволюции социологии как научной дисциплины.

> Новаторская критика мужецентричных эпистемологий как механизма систематической маргинализации женщин

Возникновение феминистской критики в индийской социологии стало нежеланным вмешательством в первоначальный эпистемологический фокус дисциплины. В свои формативные годы индийская социология, в основном, занималась исследованием деревень, кастовых иерархий, паттернов родства и социальными структурами – теми сферами исследований, в которых часто упускался из виду женский опыт, а в концептуальных моделях исключался гендерный анализ. Феминистские ученые бросили вызов этим упущениям и сделали гендер значимым элементом социологического анализа. Это привело к изменениям основных тем и способов исследования.

Одной из самых первых исследовательниц – новаторов стала Иравати Карве (Irawati Karve), [изучавшая родство и семейную жизнь](#), соединяя этнографическую чувствительность и строгую социальную теорию, разрабатывая более нюансированное и инклюзивное понимание индийских социальных структур. На основании ее наследия в 1970е и 1980е гг. произошла академическая институционализация Women's Studies. Эти академические новшества возникли под существенным влиянием Доклада Комитета по Вопросам Статуса Женщин в Индии, опубликованного в 1974 году. Женские исследования подпитывались более широким женским движением, они создавали автономные пространства феминистской науки, которая подвергала критике мужецентричные эпистемологии и систематическую маргинализацию женщин в социологических исследованиях и мире науки.

> Интеграция феминистских подходов в преподавании и исследовании

Индийские феминистские исследователи переформатировали социологические практики, бросив вызов господствующим эпистемологиям и развивая трансформативные педагогические практики, основанные на жизненном опыте, рефлексивности и интерсекциональности. Под руководством Мэйтрейи Кришнарадж (Maithreyi Krishnaraj) Центр Женских Исследований в SNTD Женском Университете стал инструментом интеграции феминистских подходов в преподавание

>>

давании и исследовании. Она продвигала партисипаторный подход в обучении и делала акцент на сотрудничестве студентов с местными сообществами, поощряла совместное производство знания. Вина Мазумдар (Vina Mazumdar), будучи директором-основателем Центра Изучения Женщин и Развития, соединяла активизм и науку, продвигала образование, основанное на сообществе (community-based education) и исследовательские инициативы, которые придают силу маргинализированным женщинам и изучают их опыт в феминистской перспективе. Ниира Десай (Neera Desai) способствовала дальнейшей [институционализации феминистской педагогики](#), став основательницей первого в Индии автономного Центра Женских Исследований в SNDT Женском Университете в 1974 году, принципом работы которого стала органическая связь между феминистским исследованием и активизмом.

Шармила Пери (Sharmila Rege) развивала [критическую педагогику](#), в центре внимания которой было пересечение касты, класса и гендера. Савитрибай Пхуле, директор Центра Женских Исследований Кранти Джиоти в Университете Пьюна Реге, анализировала нарративы и свидетельства далитских женщин, развивая феминистскую теорию и педагогику, раздвигая методологические горизонты и проблематизируя практики исключения, типичные как для мейнстрима социологии, так и для феминистских дискурсов высших каст.

Сужата Пател и Мэйтрейи Чаудхури внесли существенный вклад в феминистскую педагогику, развивая представления о рефлексивности как методологическом и этическом императиве. В своей новаторской работе [The Practice of Sociology](#) Чаудхури защищает учебные аудитории как пространства саморефлексии и преодоления укорененных эпистемических иерархий. Ее подход фокусирует внимание на методологическом плюрализме и поощряет студентов опираться на собственный жизненный опыт как критический источник знания. Пател также ставит в центр внимания рефлексивность, междисциплинарность и трансформирующую силу обучения. Подвергая критике колониальное и националистическое наследие индийской социологии, она разоблачает господство европоцентристских теорий и призывает к социологии, которая [фокусируется на видении маргинализированных групп](#). Феминистская педагогика, практикуемая Пател, способствует [разрушению эпистемических иерархий](#) и производству более инклюзивного и социально вовлеченного знания.

> Принцип ситуативности знания и выявление интерсекциональных позиций

Понятие ситуативно произведенного знания, разработанное Донной Харауэй подвергается критике ложные претензии на объективность научного знания и призывает к развитию эпистемологии, основанной на жизненном опыте и конкретных социальных локациях. В Индии Шармила Пери ([Sharmila Rege](#)) операционализирует этот подход, опираясь на изучение свидетельств далитских женщин и развивая эпистемологию далитского феминистского позиционного подхода (standpoint), который бросает вызов как социологическому мейнстриму, так и феминизму высших каст, утверждая, что каста, класс и гендер являются ко-конститутивными структурами угнетения.

“работы женщин фундаментальны для дисциплины”

В индийской феминистской социологии плодотворным аналитическим и методологическим инструментом стал интерсекциональный подход ([Intersectionality](#)), впервые концептуализированный Кимберле Креншоу. Сужата Пател и Мэри И. Джон расширили его применение в индийском контексте, изучая конкретные пересечения социальных позиций по критериям принадлежности к касте, классу, гендеру, религии и региону. Пател подвергает критике колониальные и брахманические основания индийской социологии, выявляя практики исключения, которые стремится преодолеть интерсекциональный подход. В свою очередь, Мэри Джон ([Mary E. John](#)) использует интерсекциональную оптику для анализа того, как работают вместе патриархат, кастовая система, общинный порядок и неолиберальная глобализация. Она призывает к развитию феминистской политики, которая осознает существование этих сложных систем власти.

> Позиционирование феминистской теории в социальном мире

Гейл Омведт и Камла Бхасин (Gail Omvedt, Kamla Bhasin) [вывели феминистскую практику](#) за пределы академии, привнесли феминистские методологии в общественные движения и обучающие пространства локальных сообществ. Омведт размывает границы между ученым и активистом, соединяя феминистскую теорию с женскими далитскими и сельскими движениями, делая акцент на участвующем научении и коллективном обретении силы. Развиваемая ею методология партисипаторного акционистского исследования, позиционирует представителей маргинализированных сообществ как со-исследователей и, тем самым, разрушает традиционные иерархии производства знания. Камла Бхасин демократизировала феминистское знание в рамках феминистских образовательных инициатив в синхской общине (Sangat) и в популярных текстах, таких, как [What is Patriarchy?](#) [Что такое патриархат] и [Understanding Gender](#) [Понимание гендера]. Бхасин занималась коллективным образованием и ростом сознания крестьянок и работниц используя при этом песни, сказания и диалоги. Таким образом она адаптировала теорию, делая ее доступной для каждого.

Общей чертой феминистских методологий является приоритет партисипаторных, инклюзивных и этически вовлеченных исследовательских практик. Они бросают вызов позитивистским и отстраненным модусам исследования и способствуют рефлексивности, пониманию ситуативного характера производства знания и интерсекциональной оптике. Как подчеркивает Гита Чадха и Мэйтрейи Чаудхури ([Maitrayee Chaudhuri](#)), рефлексивность предполагает способность исследователя критически осмысливать свою позицию и властные отношения, укорененные в производстве

знания. Опираясь на понятие рефлексивной социологии, разработанное Пьером Бурдьё, феминистские ученые выступают за более глубокую саморефлексию, которая выявляет ситуацию, в которой находится ученый по отношению к тому социальному миру, который он исследует, и демонтируют претензии на объективную нейтральность познающего. Эти подходы подчеркивают приверженность принципам деколонизации производства знания и развивают практику, которая соединяет научную работу с социальными трансформациями.

> Продолжение насилия в отношении женщин и дискриминация

Несмотря на этот фундаментальный вклад в науку, индийская академия продолжает бороться с маскулинными институциональными культурами, в рамках которых научная работа женщин часто остается невидимой и периферийной. Чаудхури утверждает, что гендерные иерархии продолжают существовать, захватывая не только позиции руководства, но и сферу производства и распространения знания. Исследования, проводимые женщинами, особенно если они опираются на феминистскую теорию, касаются проблематики каст и маргинальности, часто недооцениваются или изолируются, ограничиваются рамками «женских исследований», а не интегрируются в социологический мейнстрим. Мэйтрейи Чаудхури [подвергает критике](#) эту форму эпистемического исключения, показывая, что феминистские представления часто рассматриваются как дополнительные (а не ключевые) для аналитических подходов социологической дисциплины.

Феминистская социология Индии сталкивается сегодня с рядом взаимосвязанных вызовов, порожденных неолиберальной глобализацией, технологическими изменениями и ростом социально-политической напряженности. Экспансия цифровой экономики и платформенного труда интенсифицировала феминизацию precariousной работы, которая пропорционально влияет на далитов, адиваси и женщин, принадлежащих меньшинствам, которые сталкиваются с проблемами ненадежности материального обеспечения, неравенством в оплате труда и отсутствием доступа к социальной защите. Такие изменения в сочетании с цифровым разрывом усиливают существующие кастовые, классовые и гендерные иерархии, ограничивают справедливый доступ к экономическим возможностям. Параллельно с этим, городское планирование и инфраструктурное развитие часто поддерживают привилегии господствующих групп, ограничивают доступ маргинализированных женщин к безопасным и инклюзивным общественным пространствам.

Проблемы, описанные такими исследователями, как Бина Агарвал и Вандана Шива — еще больше усиливают уязвимость, особенно сельских и индигенных женщин, от труда которых зависит выживание сообщества и его экологическая устойчивость. Более того, подъем религиозного фундаментализма, рост конфликтов в сообществе и политическая поляризация интенсифицировали насилие и дискриминацию в отношении женщин, принадлежащих к религиозным меньшинствам, нарушая их права и безопасность. Решение этих взаимосвязанных проблем требует рефлексивной интерсекциональной феминистской практики, привержен-

ности социальной справедливости, борьбы с локальными и глобальными структурами неравенства, характерными для развивающегося мирового порядка.

> Принципы плюрализма и продвижение социально вовлеченной научной работы в целях построения инклюзивной и рефлексивной социологической дисциплины

Феминистские ученые предпринимают усилия для переформатирования индийской социологии, проблематизируют ее маскулинистские основания и расширяют спектр методологических подходов и тематических интересов. Несмотря на столкновение с устойчивыми и развивающимися формами неравенства, научный вклад и трансформирующие социологию интервенции обеспечили рост включенности женщин и прирост женского руководства в ключевых академических учреждениях, прежде всего, в Индийском Социологическом Обществе (ИСО).

Современное состояние индийской социологии характеризуется значительным институциональным прогрессом и новой приверженностью инклюзивности. Показательным в этом отношении стал 2016 год, когда Сужата Пател была избрана первой женщиной-президентом ИСО — это событие символизирует существенный шаг в преодолении гендерного дисбаланса в академическом руководстве. Ее пример открыл путь следующим женщинам, ставшим президентами ИСО, таким как проф. Индира, проф. Абха Чаухан и проф. Мэйтрейи Чаудхури. Их коллективные усилия как руководителей способствовали демократизации ИСО, усилению внимания к структурным неравенствам и содействовали инклюзивности в научной работе.

Своими критическими интервенциями в педагогике, исследованиях, институциональной практике феминистские исследователи выдвинули на первый план принципы рефлексивности, интерсекциональности и партисипаторные методологии, ориентированные на социальную справедливость. Вклад женщин-руководителей, особенно в ИСО, еще более усилил этот трансформирующий эффект. И все же демократизация индийской социологии — это развивающийся проект. Построение инклюзивной и рефлексивной дисциплины требует активной вовлеченности ученых, независимо от их гендерной принадлежности.

Цель этой деятельности заключается не в том, чтобы создать феминистские пространства, которые исключают мужчин, а, напротив, способствовать созданию платформ сотрудничества, где можно услышать различные голоса и развивать более целостное и адекватное понимание индийского общества. Участие ученых мужчин в развитии феминистских подходов может способствовать демонтажу укорененных иерархий и обогатить социологическую дисциплину. Следуя принципам плюрализма и содействуя социально вовлеченному научному знанию, индийская социология сможет приблизиться к будущему, в котором феминистская мысль и практика станут центральными для ее интеллектуального и институционального роста. ■

Адрес для связи: arvinder2009@gmail.com

> Переосмысление исследований общественных движений в Индии

Шрути Тамбе, Университет Савитрибэй Пхуле Пьюн, Индия

В западном академическом мире поле социологии общественных движений сформировалось во второй половине 20 века. В 1960е гг. это направление социологии приобрело популярность во всем мире. Важно отметить, что социология общественных движений поднялась в период глобальной деколонизации. Отнюдь не случайно подъем и успех антиколониальных движений совпал с ростом популярности социологии общественных движений.

Я полагаю, что множество различных волн протеста, антиколониальных, антиимпериалистических и антирасистских движений, обусловили подъем социологии общественных движений как отдельного направления социологии, преодолевшего рамки традиционного понимания социальных изменений. Однако это поле исследований не отдавало должное значимости контекста деколонизации и не включало методы, стратегии и идеологии, которые на практике были характерны для этого периода. Казалось, что социология общественных движений совершенно изолирована от того, что происходит в «колониальном мире».

> Современные пролетарские движения в западных либеральных капиталистических демократиях

Я выделяю три постулата, которые определяли поле социологии общественных движений в то время, когда оно обрело статус отдельного социологического направления. Эти принципы обрисовывают также границы академического доступа и придают легитимность конкретному опыту, ставшему предметом исследования.

Первый аргумент заключается в том, что *общественные движения являются современным феноменом*. Все элементы модерна – трансформация идей и ценностей, политическое устройство, экономика, общество и технология – обусловили современный характер общественных движений. Хотя процесс трансформации первоначально шел очень медленно и ограничивался региональными рамками, некоторые интеллектуальные процессы были общими и наблюдались в разных частях Европы, начиная с 15 века. Индивидуализм, рационализация и энтузиазм в отношении новой эстетики, а также значимость науки и технологии характерны для всех обществ мира модерна. В свою очередь, эти трансформации положили начало изменениям в политике, экономике и социальных отношениях. Но относится ли все это к коло-

“Глобальный Юг это не гомогенная категория”

ниальному миру? Была ли раса значимой проблемой на Глобальном Юге в то время?

Во-вторых, это поле исследований исходит из того, что изучение институционализированных коллективных действий должно учитывать все характеристики модерна, индивидуализма и диссидентства в отношении либеральных демократий, которые сформированы западным капитализмом. Такой подход гарантирует аутентичность исключительно в отношении западного опыта. Эти институционализированные действия теснейшим образом связаны с демократическими институциональными структурами 20 века, типичными для западной либеральной капиталистической демократии.

Третий постулат касается лидерства в этой борьбе и ее сторонников. Исследователи исходят из презумпции, что авангардом общественных движений являются разные типы пролетариев. Борьба выражает классовые конфликты и вызванное ими давление, ориентированное на социально-политические и экономические реформы демократических обществ.

Исследователи общественных движений во всем мире опирались на такие теоретические рамки и концептуальные подходы. Они освещали проблемы структурной напряженности, дискриминации, утрату средств существования и демократический диссент. Такими же были различные стратегии общественных движений, документированные в Индии и других регионах Глобального Юга.

> За пределами мейнстрима несмотря на шесть десятилетий популярности в Индии

В 1980е годы в Индии наблюдался существенный подъем исследований общественных движений; прежде всего, националистических, крестьянских и племенных. Из-

учение случаев, например, движения Bhoodan-Gramdan (земельный дар и деревенский дар) были ориентированы на анализ различных форм борьбы, активизма, агитации в рамках устоявшегося категориального аппарата социологии общественных движений. В это время в различных университетах страны было защищено несколько диссертаций по этой тематике.

И все же несмотря на 60 лет популярности социологии общественных движений как академического поля на международном уровне, мы задаемся непростыми вопросами. Как и почему конкретные случаи недовольства, протеста и столкновений, вовлекающие миллионы простых бедняков Южной Азии и, особенно, Индии, должны обязательно неуклюже описываться в соответствии с теоретическими рамками мейнстримного социологического дискурса об общественных движениях? Как разрешить эту загадку и показать путь выхода из создавшегося положения?

> Социологические дебаты не фокусируются на волнах агитации и общественных движений Индии

NAPM@30 (Тридцатилетний национальный альянс народных движений) – это документ, который признает значимость общественной борьбы (успешной и безуспешной) и утверждает, что в начале 1990х годов, когда возник этот альянс, Всемирный Банк уже принудил индийское правительство к реализации программы структурной перестройки (Structural Adjustment programme). Этот курс серьезно повлиял на гранты, схемы социальной поддержки, субсидии и стабильность занятости тысяч жителей Индии. И все же, как напоминает нам NAPM@30, до конца 1980х годов между правящим классом и немущими эксплуатируемыми массами существовало общее согласие – хотя и не вполне четкое – по поводу будущего социального государства и институциональной инфраструктуры, базирующейся на конституционных ценностях.

В 1970е - 80е годы по всей Индии прокатилась война возмущений, предводительствуемых молодежью и студентами, с требованиями изменения социально-экономического и политического курса индийского общества при участии общественных движений. Они провозглашали цели антиколониального националистического движения, конституционного демократического социализма и социального государства. Среди требований этого Альянса – перераспределение земли в пользу безземельных, обеспечение жильем социально и экономически обездоленных групп, таких как зарегистрированные касты, субсидии на получение образования для бедных студентов, общественная система распределения, гарантирующая субсидирование питания и зерна для преодоления бедности. Вплоть до середины 1980х гг. все еще считалось, что в течение сорока лет постколониального существования демократическая республика Индия развивается в направлении свободы, равенства и братства, поддерживает принципы социальной, экономической и политической справедливости, секуляризма и социализма во имя справедливого будущего для миллиардов людей. Эти цели

вдохновляли тысячи кампаний и движений, которые поднимались и шли на убыль в различных частях Индии. И все же общественные движения Индии были значительной, но не центральной темой обсуждения и дебатов в социологическом сообществе. Главные вопросы, обсуждаемые в социологических кругах, касались соотношения традиции и модерности, деревни и города, а также концептуальных и содержательных аспектов социальной стратификации.

> «Новые» виды борьбы отображают разрыв между развитыми капиталистическими экономиками и колониальной капиталистической экономикой Индии

Однако в конце 1980х годов возникала теория Новых общественных движений (НОД), которая анализировала «новые» движения, которые стали развиваться в 1960е годы в развитом западном мире и находились в оппозиции к «старым» движениям и к марксистской теории общественных движений. Для «новых» социальных движений характерен фокус на новый стиль жизни, ценности и трансформацию частной жизни, а также сферу символических значений развитого западного капиталистического общества.

В это время на демократической арене Индии возникало множество массовых движений, включая агитацию в защиту занятости молодежи, ремесленников и малоземельных крестьян, за справедливые цены и право на землю, требования социальной поддержки и протесты племенных общин против переселения. Основными дебатами гражданского общества были назревшая неотложная потребность политической и экономической перестройки, необходимость борьбы с бедностью через перераспределение доходов и власти. В 1980е годы общей повесткой были проблемы выживания и демократических прав, которые поднимались движениями и профсоюзами, требующими достойной жизни граждан.

Другими словами, в то время как в Индии плечом к плечу выступали движения, в центре внимания которых были имущественные конфликты, гражданство и чувство человеческого достоинства, в западных обществах проблемы выживания были более-менее решенными, и на передний план выступили вопросы идентичности, стиля жизни и ценностей. Индия вошла в мир капитализма по пути колониального капитализма, как убедительно показали работы Алави и Шанина (Alavi and Shanin, 1982), что и объясняло разрыв между развитыми капиталистическими экономиками и колониальной капиталистической экономикой Индии.

> Концептуальные и теоретические рамки, оставшиеся без внимания

С начала 1990х годов в изучении движений социально-культурно ущемленных и эксплуатируемых секторов индийского общества без разбору применялась теория НОД. К новым движениям относили «зарегистрированная касты» (как их стало обозначать государство после обретения Индией независимости), племенные дви-

жения, выступающие в защиту наследуемых прав на лесные угодья, прав на культуру и достойную жизнь как сферу гражданских прав, и женские движения. Заимствованная теория НОД применялась без надлежащей переработки.

В третьем тысячелетии, когда в обществе на низовом уровне разворачиваются незавершенные протесты и продолжается борьба за материальные права и социально-культурные требования, ученые используют все теории общественных движений в диапазоне от функционалистского объяснения и теории относительной депривации до теории НОД.

Наблюдаются нестыковки теории и материала, а исследователи старшего поколения выражают апологетическое мнение, что концептуальные и теоретические подходы, разработанные индийскими учеными 1980х годов, остаются в индийской академии без внимания. Активисты отмечают, что за редким исключением лозунги, повестка и стратегии инициативных движений не обсуждаются в академии.

> **Заключительные заметки исследователя с Глобального Юга**

Яркость и многообразие современного мира объясняется демократическим выражением протеста, столкновением различных идеологий и повесток. Находясь в пространстве Глобального Юга, иногда задаешься вопросом о том, в одном ли мире мы живем. Глубинный анализ показывает, что Глобальный Юг также не является гомогенной категорией. Некоторые проблемы являются общими для всех обществ ГЮ, а некоторые специфичны. В разных странах наблюдается огромное разнообразие конфликтов: от борьбы за справедливое распределение природных ресурсов до движений за свободу от сексуального абюза, подобных #MeToo; от движений, основанных на идентичности, подобных сообществам LGBTQ людей, до протестов против пе-

ремещения, вызванных капиталистической добычей ископаемых, промышленными и инфраструктурными проектами. Мы наблюдаем глобальную картину, насыщенную напряженными противоречиями в отношении ресурсов, доходов, прав и безнаказанности.

В заключение я хочу обратить внимание на следующие вопросы. Можно ли утверждать, что социология общественных движений в Индии не смогла разработать свой собственный концептуальный и теоретический аппарат на основе изучения антиколониальной борьбы, в ходе которой использовались разнообразные стратегии в диапазоне от вооруженного конфликта с британцами до ненасильственных сетей, основанных на сообществе, сформированных под руководством Махатмы Ганди? Западные теории социологии общественных движений рассматривают национализм как узкую идеологическую позицию. Но было ли значение национализма в Индии под руководством Ганди таким же, как на Западе? Размышляя об истине и морали, основанных на принципах ненасилия, можно представить, что новой формой модерна, возникающей на Глобальном Юге, являются гуманитарные ценности, понимаемые как базис нового демократического государства с более широким интернациональным взглядом. Представляется, что мы были слишком механистичными, когда применяли заимствованные западные концептуальные и теоретические модели для анализа конфликтов и борьбы в Индии и других обществах Глобального Юга, неосознанно заимствуя ориенталистское видение.

Чтобы вдохнуть столь необходимую новую жизнь в социологию общественных движений, необходимо найти ответы на эти вопросы. Только так мы сможем построить научное направление, которое справедливо и более уместно для изучения различных реальностей общественных движений, особенно на Глобальном Юге. ■

Адрес для связи: <shruti.tambe@gmail.com>

> Нормализация крайне правых и радикализованный мейнстрим

Сабрина Заяк, Институт DeZIM (Германия), Эмануэле Тоскано, Университет Гульельмо Маркони (Италия) и Анна-Мария Меут, Институт DeZIM (Германия)

Фото Себастьяна Кристофа Голмноу, обработанное ИИ.

Во многих демократических странах мира демократические принципы и ценности претерпевают колоссальные изменения. Идеи, которые всегда назывались ультраправыми, стали новой нормой, мейнстримом. Этнонационалистические, авторитарные, антиимигрантские, сексистские и антиплюралистические идеологии заняли ключевые позиции в обществе. Ультраправые занимают позиции в экономических и политических элитах, а также мобилизуются через низовые движения и социальные сети. В результате многих лет распространения и мобилизации ультраправые идеологии заняли властные позиции во всех сферах общества; их идеи проникли в сердца и умы многих простых граждан, мужчин, женщин и детей, превратив общество в то, что мы хотели бы назвать «радикализованным мейнстримом».

> Концепция радикализованного мейнстрима

В этом специальном выпуске «Глобального диалога» мы хотим пролить свет на новую динамику нормализации ультраправых и ее последствия для либеральных демократий в Европе, США и за их пределами, а также для глобальной архитектуры демократических альянсов. Мы проанализируем какие ранее маргинализированные этнонационалистические идеи и риторики стали приниматься и открыто артикулироваться в мейнстримном дискурсе, социокультурных измерениях, личных установках и политических мобилизациях, и программах; и как это происходит. Мы предлагаем использовать понятие «радикализованный мейнстрим», чтобы сместить перспективу анализа, обратившись не только к такти-

кам, акторам и идеологии ультраправых, а к процессу радикализации самого мейнстрима.

Радикализованный мейнстрим мы трактуем как распространение и бриколаж разных идеологий, которые реструктурируют общество и социальные отношения, устанавливая порядок, основанный на неравенстве. Эти процессы совершаются плотной локально-глобальной сетью акторов: политиков, бизнес-лидеров, цифровых фашистов, политических партий, организаций и низовых движений, а также частных лиц. Опираясь на это понятие, мы также хотели бы привлечь внимание к связанному и до сих пор в значительной степени игнорируемому процессу: де-нормализации демократических и инклюзивных норм и принципов, вытеснению демократических, антидискриминационных (например, антирасистских, антисексистских) и прогрессивных сил на обочину.

В этом вступлении мы хотели бы подробнее остановиться на идее радикализованного мейнстрима и указать на некоторые его международные последствия и (ожидаемые) последствия для равенства и либеральной плюралистической демократии.

> От поиска к анализу

Когда мы впервые представили концепцию радикализованного мейнстрима на международной конференции, организованной Немецким Центром Исследований Интеграции и Миграции (DeZIM) в Берлине в 2023 году, мы хотели сфокусироваться на одном парадоксе. Для

>>

нас концепция радикализованного мейнстрима была скорее интересным стилистическим приемом, оксюмороном, поскольку радикальность и мейнстрим — это противоположности или, по крайней мере, понятия, которые невозможно объединить: то, что является радикальным, не может быть одновременно и мейнстримом. Мы назвали конференцию «В поисках радикализованного мейнстрима», чтобы обсудить с всемирно известными учеными динамику нормализации и опасности радикализации мейнстримного общества.

Сегодня настало время изучить эмпирические реалии все более радикализирующегося общества и динамику между нормализацией ультраправых и де-нормализацией демократических, плюралистических и прогрессивных акторов и ценностей. Материалы, представленные в этом выпуске, предлагают широкий спектр доказательств.

Терри Гивенс исследует нормализацию ультраправых на основании сравнительного анализа различных этапов функционирования партийных систем в Европе. Дамла Кешкекчи рассказывает о различных механизмах платформенного мейнстриминга. Паша Даштгард рассматривает, как маносфера превратила мужские сети самосовершенствования в поля идеологической борьбы; он показывает, как оптимизация собственного тела и маскулинности становится механизмом радикализации. Движимые более широким культурным поворотом, ультраправые все чаще используют моду в качестве стратегического инструмента конструирования идентичности, распространения идеологии и нормализации экстремистских нарративов в глубине мейнстримной культуры. Андреа Гриппо показывает, как разные поколения развивали эстетические стратегии ультраправых — от откровенных субкультурных стилей до ироничной, гипернормализованной моды, — используя эстетику в качестве средства политического проникновения и культурной легитимации. Наконец, Сумрин Калия выявляет многочисленные механизмы, с помощью которых ультраправые посягают на гражданское общество в Пакистане и за его пределами, а Роберто Скарамучино и Сесилия Сантили анализируют различные способы, с помощью которых популистское правление реконструирует гражданское общество.

> Фокус на дискурсивных сдвигах

Чем представленные исследования отличаются от существующих исследований ультраправых и ультраправой мобилизации?

Очень большое число исследований и статей посвящено тем, кто голосует за крайне правые партии (преимущественно мужчины, представители всех социальных слоев). Среди причин подъема их привлекательности в западных либеральных демократиях называют опыт быстрой модернизации, социальное неравенство, чувство незащищенности, изменения в политической среде и системах представительства, роль поликризиса, войны и пандемии. Есть работы, которые фокусируются на социальном уровне и исследуют подъем ультраправых как эффект социальной мобилизации.

Перспектива нормализации изучает, как акторы и этнонационалистические идеологии принимаются в общественном мейнстриме и распространяются политически, культурно и дискурсивно. Понимание и описание сдвига вправо политических программ и последствий этого процесса для демократических обществ является центральным направлением этой перспективы. Многие эксперты и авторы подчеркивают, что атаки на демократические институты и ценности часто осуществляются изнутри самой демократии.

Аналитическое внимание уделяется дискурсивным сдвигам: нормализация выражается в использовании и распространении терминов, которые ранее применялись правыми силами, а затем вошли в основной дискурс и стали нормализованными. Этот процесс может привести к трансформации политических дебатов и культуры, а также к структурным изменениям в публичной сфере. Платформы социальных сетей играют решающую роль в этом процессе, ускоряя дезинформацию и усиливая радикально настроенных участников в условиях, когда язык ненависти больше не является объектом регулирования. Нормализация радикально правых приводит к ощутимым изменениям в политике, например, к ограничению права на убежище, принудительному пограничному контролю и контролю сексуального и гендерного самоопределения.

> Идеологии неравной ценности людей оправдывают иерархии, основанные на дискриминации

При таком подходе исследование нормализации выходит за рамки традиционного изучения ультраправых и вместо этого на первый план выходят акторы, действующие в рамках демократического мейнстрима. Концепция радикализованного мейнстрима основывается на этих положениях и объединяет их. Вместо того, чтобы фокусироваться на «одностороннем пути» от окраин политического спектра к мейнстриму, мы раскрываем мейнстрим во всей его неопределенности и сложности, когда ранее существовавшие идеологии, мировоззрения и практики смешиваются и переплетаются с ультраправыми акторами и идеологиями. Демократические идеи, ценности и практики не только демонтируются, но и вытесняются на обочину (маргинализируются).

В целом мы определяем **радикализованный мейнстрим** как все более плотную сеть акторов, институтов и СМИ, которые, даже если формально не связаны с крайне правыми партиями, переходят к риторике и позициям, которые (когда-то) принадлежали радикальным политическим формированиям.

Мы рассматриваем **мейнстрим** как крайне неоднородное явление: диверсифицированный круг ответственных акторов с различными позициями и происхождением, действующих в различных сферах, которые принимают, поддерживают, оправдывают и нормализуют ультраправые идеологии, действия и взгляды при самых разных обстоятельствах и по самым разным причинам. В свою очередь, **радикализация** относится к

процессам (от риторики до действий), в которых идеологии неравной ценности людей используются для оправдания и усиления расовых, гендерных, ультранационалистических и дискриминационных иерархий. Такие способы исключения разжигают ненависть и насилие и даже могут привести к убийствам.

> Комплексные локальные, глобальные и международные последствия

Радикализация мейнстрима затрагивает все общественные сферы: политику, культуру, бизнес, гражданское общество и публичную сферу; она проявляется на индивидуальном, организационном и институциональном уровне. В этом контексте нормализация радикальных правых может рассматриваться как процесс социального принятия, а также как институционализированный феномен.

На этом фоне любое сосредоточение исключительно на электоральных аспектах радикализации, ультраправой мобилизации или дискурсивных сдвигах в мейнстриме рискует привести к искаженному толкованию этого явления. Вместо этого нам необходимо рассмотреть сложные взаимосвязи, двусмысленности, размывание границ и идеологическое двуличие, которые превращают дружеских соседей, друзей или членов семьи в поборников невежества, ненависти или насилия. Это также позволяет нам глубже проникнуть в механизмы де-нормализации и маргинализации демократических и прогрессивных акторов, идей и практик. Фундаментальные последствия описываемого процесса для либеральной демократии становятся очевидными: идея демократии превращается из локального, национального и глобального организующего принципа социальной жизни во все более мелкие островки коллективно организованного равенства, солидарности и надежды.

Приведем лишь несколько примеров локальных, национальных и международных последствий радикализации мейнстрима. Во многих так называемых либеральных демократиях социальные движения и прогрессивное гражданское общество, включая рабочие, женские, LGBTQI+, климатические движения, движения за мир и солидарность (Палестина), а также продемократические движения, все чаще становятся объектом криминализации, замалчивания и репрессий. Закрывание границ и

ограничение приема беженцев усугубляют ситуацию с защитой и безопасностью перемещенных лиц - как на путях их бегства, так и с точки зрения их возможности реализовать свое право на убежище. Пренебрежение климатическими целями со стороны мощных отраслей промышленности влияет на глобальный климат, поскольку он не знает границ и национальных интересов.

На карту поставлены и международные договоренности. Неясно, выдержит ли Европейский Союз, некогда бастион мира и антифашизма, давление радикализованного мейнстрима как изнутри, так и извне. Гуманитарные концепции, поддерживаемые ООН, дискредитируются, а финансирование прекращается, что ставит под угрозу миллионы жизней, зависящих от гуманитарной помощи по всему миру. Растущий национализм ослабляет сложившиеся в последние десятилетия многосторонние соглашения, необходимые для решения глобальных проблем и управления ими. Это проявляется в бойкоте переговоров или выходе из ранее заключенных соглашений в таких областях, как торговля, климат, миграция и союзы безопасности. В сфере торговли протекционистская экономическая политика реализуется через повышение тарифов и торговые войны.

> Программа исследований для обновления и возрождения демократии

Это лишь несколько примеров того, как новая норма радикализованного мейнстрима способствует эрозии защиты, применения, оценки и применения прав человека и демократии. Мы полагаем, что если мы хотим остановить и обратить вспять процесс радикализации мейнстрима, нам необходим тщательный эмпирический анализ и межстрановые сравнения, чтобы лучше понять его механизмы. Понимание того, как радикализируется мейнстрим, может, в конечном итоге, способствовать разработке концепций его дерадикализации, поиску «образа надежды», где демократические ценности, практики и сообщества восстанавливаются, возрождаются и обновляются. Чтобы мы могли внести свой вклад в обновление и возрождение демократии в будущем, динамика нормализации ультраправых и де-нормализации демократии должна определять повестку актуальных социальных исследований. ■

Адрес для связи: <zajak@dezim-institut.de>

> От радикальных правых к мейнстримным правам: сдвиг в европейской партийной системе

Терри Гивенс, Университет Британской Колумбии, Канада

Ключевые слова в развитии политики правых.
Рисунок сгенерирован автором.

Одна из тенденций, которую я наблюдаю с тех пор, как начал изучать радикальных правых в середине 1990-х годов, заключается в том, что идеи, которые в те времена считались «радикальными», стали мейнстримом. Когда я работал над своей первой книгой о правых радикалах, многие исследователи отговаривали меня, считая правые радикальные партии «каплей в море». Однако эти партии стали постоянной силой в электоральном ландшафте. Как я отмечал в своей книге [The Roots of Racism](#) [Корни расизма], «правые считают иммигрантов чужеродными объектами политического тела и обвиняют их в целом ряде социальных бед, включая высокий уровень преступности и безработицы». То, что когда-то считалось радикальным, стало мейнстримом, особенно это касается анти-иммигрантских настроений и исламофобии.

> Колоссальный сдвиг вправо

Когда в 1980-х годах на избирательную сцену вышли правые радикальные партии, в элите сложился [консен-](#)

[сус](#), направленный на борьбу с ними путем поддержания «санитарного кордона», который удерживал правых политиков от сотрудничества с ультраправыми кандидатами, поощряя левых избирателей поддерживать кандидатов основных политических сил. [Этот консенсус рухнул](#), когда после 11 сентября к власти в Европе пришли консервативные правительства, а терроризм сместил фокус внимания в отношении иммиграции с трудовой политики на вопросы безопасности. Австрийская Партия Свободы (FPÖ) вошла в состав австрийского правительства в 2000 году, отчасти потому, что рассматривалась как единственная альтернатива правительству большой коалиции. Вхождение в состав правительства, по крайней мере, лидеров партии в то время казалось умеренным, но в последние годы они вернулись к более жесткому анти-иммигрантскому тону. Отсутствие умеренности сохраняется по мере формирования новых партий, добившихся успеха на выборах.

Участие Австрийской Партии Свободы, Датской Народной Партии и других крайне правых партий в коалицион-

>>

ных правительствах в начале 2000-х годов открыло путь к большему успеху этих партий. Поддержка ультраправых партий в Европе резко возросла в 2014 году на выборах в Европейский Парламент, предвещая успешное голосование по Brexit в Великобритании летом 2016 года; эта поддержка усилилась в 2019 году, когда ультраправая Партия Национального Объединения (Rassemblement National) Марин Ле Пен, набрав 23 % голосов, победила коалицию партий президента Эммануэля Макрона. Национальное Объединение, сохранившее большинство позиций своего предшественника, Национального Фронта (Front National), стало постоянным участником Европарламента и Ассамблеи Франции. С тех пор как я начал заниматься исследованием политических партий в середине 1990-х годов, партийная политика в Европе претерпела колоссальный сдвиг вправо. Мы наблюдаем снижение поддержки левых социал-демократических и коммунистических партий, особенно во Франции. Важно помнить о более широком контексте изменений, поскольку мы наблюдаем эволюцию правых радикалов от периферии партийной политики к мейнстриму.

> Рост электоральной поддержки праворадикальных партий в этом веке

Почти на каждых выборах в Европе с начала 2000-х годов правые радикальные партии увеличивали свою поддержку на выборах в законодательные органы и так стали частью мейнстрима. В сентябре 2022 года *Шведские Демократы* стали второй по величине партией в Риксдаге, получив 73 места. Во Франции *Национальное Объединение* (RN) набрало 37 % голосов на внеочередных выборах в законодательное собрание в 2024 году, хотя и не получило ожидаемого количества мест из-за стратегической координации левых партий. В Германии *Альтернатива для Германии* (AfD) в феврале 2025 года стала второй по величине партией, набрав почти 21 % голосов, удвоив свою долю голосов по сравнению с выборами 2021 года.

Несколько партий, начиная с 2022 года, занимали первые места на выборах. Так, например, коалиция неонацистского политика Джорджии Мелони *Братья Италии* набрала достаточно голосов, чтобы возглавить формирование правительства в Италии, где Мелони стала премьер-министром. В Нидерландах *Партия Свободы* (PVV) Геерта Вилдерса получила больше всего мест на выборах в ноябре 2023 года, но непростые коалиционные переговоры привели к тому, что правительство было сформировано только в июле 2024 года, а премьер-министром стал независимый государственный служащий. В Венгрии Виктор Орбан находится у власти с 2010 года, и его нелиберальное правительство является занозой в боку Европейского союза.

> Рабочий класс: рост поддержки популизма, расизма и страха перед меньшинствами

Кажется, еще совсем недавно крайне правые или радикально правые партии не воспринимались всерьез. Теперь их роль существенно изменилась: они проделали путь от статуса вечной оппозиции к серьезным

претендентам на политическую власть. Нормы, касающиеся расовых вопросов и политики иммиграции, явно изменились с тех пор, как я начал изучать радикальных правых в середине 1990-х годов. В 1999 году, когда *Партия Свободы* Йорга Хайдера заняла второе место на выборах в Законодательное Собрание Австрии, остальные четырнадцать стран Европейского Союза (ЕС) считали неприемлемой его позицию по вопросам иммиграции и ЕС. Хотя они не могли изменить исход голосования, были приняты меры, обозначившие их позицию по этим вопросам, включая принятие документа Принципы Расового Равенства (RED) в 2000 году в знак [поддержки антидискриминационной политики](#). Радикальные правые партии в Европе, как правило, используют популистский призыв, утверждая, что они выступают за «простого человека» и против элиты. Они часто склоняются к авторитаризму, призывая к обеспечению безопасности, защите от чужаков и ожидая слепой преданности партии или лидерам. Другой компонент пропаганды — расизм и страх перед меньшинствами и иммигрантами — используется политиками в Европе для мобилизации избирателей, опасющихся утраты привилегий и политического господства.

С начала 2000-х годов исследователи отмечают, что ультраправые кандидаты получают все большую поддержку со стороны избирателей из рабочего класса. Важным событием середины и конца 1990-х годов стал успех левоцентристских политиков, таких как президент США Билл Клинтон, премьер-министр Великобритании Тони Блэр и канцлер Германии Герхард Шредер. Эти лидеры придерживались нелиберального подхода к экономической политике, который поддерживал более индивидуалистический подход к управлению. Их политика способствовала экономическому росту в целом, но мало что сделала для повышения зарплат и социальных пособий для рабочего класса и увеличила неравенство в благосостоянии. Если бы левоцентристская экономическая политика повысила уровень жизни представителей рабочего класса, вполне вероятно, что они не были бы так открыты для посланий радикальных правых. Вместо этого заработная плата оставалась стагнирующей, а членство в профсоюзах сократилось вместе с рабочими местами на производстве.

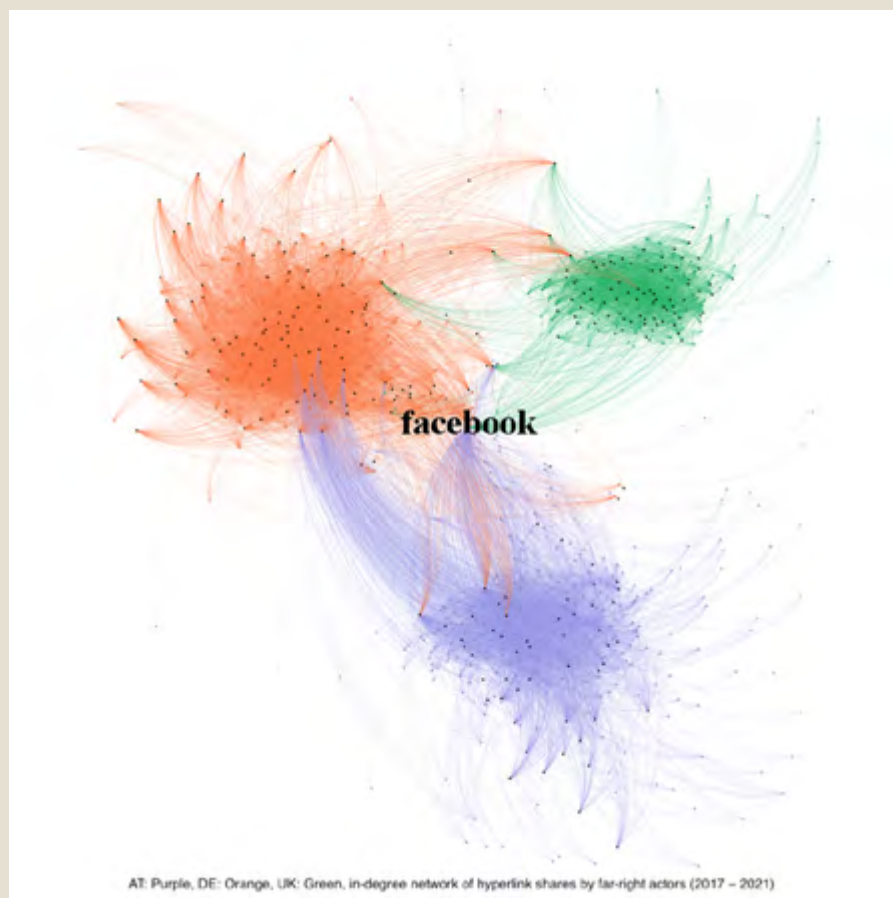
> Что может ожидать нас в будущем

Политика — это постоянно меняющийся ландшафт, и сегодня легко пессимистично оценивать перспективы демократии, поскольку нелиберальные политики продолжают набирать силу не только в Европе, но и в США. Можно надеяться, что правые политики сохранят связь с демократией и что избиратели будут поддерживать партии, которые явно соответствуют демократическим нормам. Только время покажет, вернутся ли дискурсы к поддержке демократических норм и поддержат ли эти нормы избиратели. Тем временем, исследователям необходимо продолжать количественный и качественный анализ, пытаясь понять и объяснить политические, экономические и социальные факторы, которые определяют поведение избирателей и призывы политических партий. ■

Адрес для связи: terri.givens@ubc.ca

> Из маргиналов в ленту новостей: платформенный мейнстриминг ультраправых

Дамла Кешкекчи, Скуола Нормале Супериоре, Италия

Австрия: фиолетовый; Германия: оранжевый; Британия: зеленый. Сеть гиперссылок на страницах Facebook крайне правых акторов (2017–2021). Рисунок автора.

Некогда принадлежавшие к периферии, ультраправые все чаще пытаются позиционировать себя как нормализованные, легитимные акторы в политическом мейнстриме. Вместе с Лириам Шпонхольц в исследовании «[Радикализация мейнстрима в Западной Европе](#)» мы изучаем, как ультраправые в Германии, включающие различных акторов - от политических партий до альтернативных СМИ и общественных движений, - стратегически используют гиперссылки в Facebook. Опираясь на набор данных, включающий более 120 000 постов со 100 публичных страниц Facebook (2017-2020 гг.), наш анализ показывает, как динамика платформы формирует политическую коммуникацию и способствует платформенному мейнстримингу.

Мы выделяем три ключевых механизма, которые способствуют этому процессу для ультраправых акторов: (1)

создание и поддержание сетей, через которые они проецируют себя как «нормальные»; (2) заимствование легитимности путем распространения контента основных СМИ; и (3) адаптация к ограничениям платформы, дающая возможность продолжать распространение своих посланий. Возникающее двойное движение – *нормализация ультраправых, ведущая к радикализации мейнстрима*, – сигнализирует о наличии более широкой социально-политической тенденции, которая стирает границы между краем и центром, онлайн и офлайн, крайними и умеренными.

> Логика платформы и стратегическое использование гиперссылок

Ультраправые не просто используют цифровые платформы для развлечения; они приспосабливаются к их

>>

логике, стратегически пытаюсь преодолеть их ограничения. Логика платформы Facebook, например, вознаграждает визуализацию вовлеченностью. Контент, вызывающий визуализированную реакцию (Нравится, Люблю, Ха-ха, Ву, Грустно, Возмутительно), комментариев и/или действие, с большей вероятностью получит приоритет в лентах новостей других пользователей. Такие гиперссылки становятся мощным инструментом. Помимо прочего, гиперссылки служат для распространения идеологически согласованных нарративов и поддержания связи между ультраправыми акторами.

Стратегическое использование гиперссылок — это механизм платформенного мейнстриминга. Ультраправые акторы, в основном, используют гиперссылки для поддержания сети контактов, саморекламы и продвижения. В частности, ультраправые альтернативные СМИ, такие как блог *Tichys Einblick* и спонсируемый Россией медиасайт *Russia Today DE* (RT DE), работают как «супер-трансляторы», размещая тысячи ссылок на небольшом количестве доменов. Другие ультраправые игроки — политические партии (AfD - Alternative für Deutschland) и общественные движения (PEGIDA - Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes) — действуют как «супер-распространители», распространяя ссылки из более широкого круга источников. Такая практика обмена ссылками не только укрепляет внутреннюю согласованность в экосистеме ультраправых на Facebook, но и помогает обновить их публичный имидж.

> Заметность (visibility), а не популярность: сдвиг в стратегиях

Стратегии ультраправых акторов в социальных сетях не ограничиваются погоней за популярностью. Вместо этого они фокусируются на том, чтобы быть постоянно на виду. Именно здесь концепция платформенного мейнстриминга приобретает решающее значение, поскольку она определяется не только намерениями ультраправых, но и тем, что разрешено, а также ограничениями социальных медиа. Такие мейнстримные платформы, как Facebook, играют в этом процессе парадоксальную роль. Они выступают одновременно в роли привратников и пособников. По иронии судьбы, правила платформы, разработанные для модерации и предотвращения экстремистского контента, в конечном итоге, могут способствовать нормализации ультраправых.

Например, после скандала с *Cambridge Analytica* волна деплатформизации в 2018 году вытеснила из Facebook многих ультраправых деятелей. Однако он по-прежнему остается самой распространенной социальной медиа-платформой во всем мире и активно используется ультраправыми акторами. Наше исследование показало, что в течение всего периода сбора данных число ультраправых акторов оставалось в основном стабильным, что позволило Facebook занять ключевую позицию в среде немецких ультраправых.

> Тонкий фрейминг и самореклама делают ультраправых акторов заметными

Хотя использование гиперссылок несколько снизилось после 2018 года, они оставались неизменной стратегией оставшихся ультраправых игроков Facebook. 69 % всех гиперссылок в нашем наборе данных принадлежали ультраправым медийным и коммерческим акторам. Устойчивое присутствие ультраправых акторов на платформе не случайно, это результат целенаправленных стратегий по соблюдению правил мейнстримных платформ, чтобы оставаться заметными и влиятельными.

Чтобы соответствовать логике платформы Facebook и правилам сообщества, ультраправые акторы часто воздерживаются от открытой риторики ненависти или обмена ссылками из спорных экстремистских источников. Они занимаются *перформативной модерацией*: смягчают свою риторику, фокусируются на деликатном фрейминге, а не на явных призывах к действию, и ссылаются на внешние сайты, которые сложнее отследить.

В качестве примера такого подхода можно привести ультраправые альтернативные СМИ *RT DE* и *Tichys Einblick*, которые почти исключительно используют самоссылки (ссылки на собственный сторонний контент в Facebook). Эта стратегия позволяет им обходить прямую модерацию контента, оставаться заметными и потенциально представлять более умеренный образ для широкой аудитории, при этом продолжая продвигать свои исключительные и нелиберальные программы.

> «Заимствованная» легитимность и роль мейнстримных медиа

Еще один важный механизм платформенного мейнстриминга — использование «заимствованной» легитимности у ведущих СМИ. Одним из наиболее поразительных результатов нашего исследования стало то, что ультраправые акторы часто ссылаются на крупные, а не на альтернативные СМИ. Более того, типы ссылок варьируются в зависимости от типа актора. Если на страницах AfD в основном публикуются статьи из национальных уважаемых газет, таких как *Die Welt*, то PEGIDA отдает предпочтение таблоидным и региональным изданиям, таким как *Bild* и *Nordbayern*.

Подобное заимствование легитимности у традиционных СМИ позволяет ультраправым акторам упаковывать свои сообщения как основанные на авторитетных источниках. Использование такого механизма также указывает на то, что границы между мейнстримом и маргиналами, возможно, стали более проницаемыми, чем многие полагают. Ультраправым больше не нужно полностью генерировать свой собственный контент. Вместо этого, они подбирают материалы из основных изданий, которые могут быть использованы для поддержки их анти-иммиграционных, анти-элитных или исламофобских позиций.

> Последствия для демократии

Как показывает пример немецких ультраправых в Facebook, платформенный мейнстриминг дает убедительное представление о динамике развития ультраправой онлайн-коммуникации в глобальном масштабе. То, что мы наблюдаем сегодня, - это не просто «радикализация мейнстрима» или «мейнстримизация радикалов». Скорее, это процесс взаимного усиления: чтобы оставаться активными на мейнстримных платформах, ультраправые акторы адаптируют свои стратегии к правилам платформы, а логика платформы позволяет перепаковывать экстремистский контент в форматы, которые кажутся умеренными.

Эта динамика имеет глубокие последствия. Она ставит под сомнение эффективность таких контрстратегий, как проверка фактов, модерация контента и деплатформирование. Используя механизмы платформенного мейнстриминга, ультраправые продолжают действовать в границах, установленных платформами социальных сетей, — заимствуя контент основных СМИ, переходя на «более безопасные» формы коммуникации или перенаправляя аудиторию на сторонние сайты. В конечном счете, вопрос о том, следует ли допускать ультраправых на мейнстримные платформы, уже не стоит: эти платформы уже хорошо интегрированы в онлайн-репертуар ультраправых.

Более актуальным является вопрос о том, что произойдет, если принципы работы платформ изменятся? Фактически, в январе 2025 года Meta устранила стороннюю проверку фактов из Facebook, заменив ее «Заметками сообщества», которые будут генерироваться пользователями. Также были обновлены рекомендации по раз-

решенному контенту, особенно по таким вопросам, как иммиграция и гендерная идентичность, в результате чего усилия модераторов были ограничены только серьезными и незаконными случаями. Что эти изменения могут означать для платформенного мейнстриминга?

Наши данные свидетельствуют о том, что эти изменения могут привести к дальнейшему увеличению активности ультраправых в сети, ускорить радикализацию мейнстрима и создать более серьезную проблему для либеральных демократий. Даже в условиях ужесточения мер по модерации контента Facebook сыграл свою роль в платформенном распространении ультраправых сил. Эта новая логика платформы может позволить ультраправым акторам более свободно распространять свои нарративы, что еще больше нормализует их присутствие в основном политическом дискурсе.

Следовательно, борьба с ультраправыми в социальных сетях не может опираться только на усилия по проверке фактов, режимы модерации контента, государственный мониторинг или академические исследования. Поскольку ультраправые, в конечном итоге, приспосабливаются к меняющейся логике платформ, чтобы продолжать продвижение своих нарративов, любая инфраструктура, делающая позицию заметной, может стать каналом распространения экстремистского контента. Решение этой проблемы требует системного подхода, который рассматривает платформы социальных сетей в качестве акторов, т.е. как частные компании, ориентированные на получение прибыли и имеющие свои собственные политические интересы. ■

Адрес для связи: <damla.keskekci@sns.it>

> Оптимизация маскулинности: мужские сети самосовершенствования и поля идеологической борьбы

Паша Даштгард, Лаборатория исследований и инноваций в области поляризации и экстремизма, Американский университет, Вашингтон, США

Мальчики и мужчины испытывают давление, осознавая разницу между тем, кто они есть и тем, чего от них ожидают. Рис.: Элиас Шеферле, Pixabay.

> Введение

В интернете становится все меньше сайтов, ориентированных на мальчиков и мужчин, которые не были бы подвержены влиянию идеологии мужского превосходства. Многие из этих пространств изначально создавались как места, где можно было найти совет, поддержку и товарищество, но вместо этого стали питательной почвой для радикализации. Ненавистническая сексистская риторика становится все более нормальной на форумах знакомств и отношений, в сообществах по фитнесу и моде и на дискуссионных площадках по играм и спорту. Тонкое внедрение реакционных убеждений в контент, который, на первый взгляд, кажется аполитичным или ориентированным на самосовершенствование, затрудняет распознавание экстремистских взглядов, что еще больше способствует их распространению.

Общей чертой всех этих онлайн-пространств, ориентированных на мужчин, является интенсивный фокус на

самооптимизации. Самооптимизация в этом контексте понимается как постоянная индивидуалистическая стратегия, ориентированная на непрерывное самосовершенствование, часто обусловленная общественными ожиданиями и личными устремлениями. Хотя самосовершенствование само по себе является вполне здоровым явлением, фиксация на самооптимизации может привести к одержимости «максимизацией» своего тела и образа жизни посредством самоконтроля, фитнес-тренировок, косметических операций, нейромодераторов, использования пищевых добавок и принятия жесткого, шаблонного подхода к свиданиям и отношениям. Нарратив самооптимизации способствует развитию многомиллионных индустрий, которые зарабатывают на интернализированном стыде, ненависти к себе и компульсивном стремлении достичь идеализированной формы маскулинности. Интернализация этих идей приводит к представлению о тех, кто не занимается самооптимизацией или не достигает успеха в ней, как о людях низшего порядка, и это распространяется на самооценку. Это

>>

оказывает огромное давление на мальчиков и мужчин, заставляя их стремиться к недостижимому сочетанию физической формы, сексуальной силы и финансового успеха, а все, что ниже этого, является доказательством неспособности правильно воплощать маскулинность.

Озабоченность самооптимизацией во всех сферах жизни увеличивает уязвимость в отношении идеологической индоктринации. Хэнфлер (2004) специально отмечает, как индивидуальная озабоченность самоконтролем и моральной чистотой может быть использована в качестве оружия субкультурного сопротивления и формирования групповой идентичности. Хотя стремление к самосовершенствованию является достойной и похвальной целью, акцент на индивидуальной и групповой чистоте – дисциплине через боль и отказу от удовольствий – позволяет злоумышленникам и токсичным идеологиям представлять несоответствие традиционным мужским идеалам как моральный провал, как пример того, как феминизм и прогрессивный декаданс развратили современных мужчин.

> Знакомства и отношения: «Красная таблетка» и рост популярности «маносферы»

Одной из наиболее заметных областей, где укоренилась ультраправая идеология, являются онлайн-дискуссии о свиданиях и отношениях. Сообщества «Красной таблетки» (Red Pill), распространенные в «маносфере» — сети онлайн-пространств, посвященных идеологии мужского превосходства, — являются одними из самых доступных мест для мальчиков и мужчин, где они могут найти советы о том, как манипулировать женщинами, как заниматься сексом с наибольшим количеством женщин и как воплотить в жизнь роль сильного, сексуального альфа-самца, которому женщины не могут сопротивляться. Эти форумы, веб-сайты, приложения и платформы рассматривают феминизм и расширение прав и возможностей женщин как прямую угрозу мужчинам. В этих сообществах укрепляются традиционные гендерные роли, а женщины часто изображаются как манипулирующие, гипергамные (стремящиеся вступить в брак с партнерами более высокого статуса) и лживые. Мужчин, которые разделяют эти убеждения, поощряют к доминированию в отношениях и отрицанию любых форм прогрессивного гендерного равенства. Хотя эти идеи могут первоначально представляться форме советов по свиданиям, они часто служат воротами к более широкой реакционной политике.

Еще одной токсичной подгруппой в маносфере является сообщество «мизогинистических инцелов» (InCel – involuntary celibate - придерживающихся вынужденного целибата). Мизогинистические инцелы считают, что угнетающий феминистский социальный порядок, в котором женщины выбирают исключительно привлекательных и доминирующих мужчин, лишил их надежды на романтические и сексуальные отношения. Многие инцелы винят в своих личных проблемах феминизм, мультикультурализм и другие явления, что питает в них обиду, которая может привести к насилию. Инцелы придерживаются

фаталистического биологически детерминированного отношения к обществу, при котором генетика и физические особенности человека либо гарантируют ему успех в сексуальной, финансовой и социальной сфере, либо обрекают его на жизнь, полную страданий и неудач. Рост насилия, связанного с инцелами, включая массовые убийства, иллюстрирует реальные последствия этих токсичных идеологий.

> Мода и фитнес: практики «looksmaxxing», доходящие до экстремизма

Онлайн-пространства, которые, на первый взгляд, предлагают мальчикам и мужчинам советы о том, как хорошо одеваться, накачать шесть кубиков пресса и лучше ухаживать за собой, переполнены нарративами, которые используют неуверенность мужчин и их желание подняться на вершину мнимой маскулинной иерархии.

Looksmaxxing (максимизация внешней мужской привлекательности) — это онлайн-термин, используемый в некоторых интернет-сообществах по самосовершенствованию, который описывает процесс анализа и максимизации своей физической привлекательности с помощью псевдонауки, «альтернативных» методов лечения и различных видов современного мужского супрематизма. Хотя на первый взгляд это может показаться безобидной формой самосовершенствования, многие сообщества *looksmaxxing* укрепляют угрожающие представления о маскулинности, генетике и социальной иерархии. Эти дискуссии часто пересекаются с евгеническими убеждениями, продвигая идею о том, что только определенные физические черты (читай: белые, англосаксонские) являются желательными, а генетический детерминизм — непреодолимая реальность.

Культура фитнеса также стала отправной точкой для радикализации крайне правых. Многие влиятельные сторонники превосходства мужчин используют фитнес и стремление мужчин к физическому совершенствованию своего тела как способ пропаганды гегемонных идеалов маскулинности. Дискуссии о силе, дисциплине и доминировании иногда противопоставляются индивидуальному моральному упадку, а затем и более широкому общественному упадку, что еще больше усугубляет идеологические разногласия. В некоторых онлайн-пространствах, посвященных фитнесу, неспособность поддерживать стройную и сильную физическую форму рассматривается как моральный провал и неспособность контролировать свои желания.

Растущий интерес крайне правых к фитнесу также привел к появлению «активных клубов» — групп, которые сочетают тренировки по боевым искусствам с экстремистскими идеологиями. Эти клубы привлекают мужчин под видом самообороны, самосовершенствования и расширения прав и возможностей, но часто служат площадкой для подготовки к политическому насилию. Эта связь между фитнесом и крайне правым экстремизмом подчеркивает, как, казалось бы, безобидные онлайн-сообщества могут привести к радикализации в реальном мире.

> Спорт и видеоигры: новые арены для нормализации мужского превосходства

Идеология мужского превосходства проникла и на форумы, посвященные видеоиграм и спорту, которые служат основными культурными центрами для мужчин и мальчиков в Интернете. В результате нарративы самооптимизации также проникли в дискуссии о спорте и играх.

Игры органично способствуют формированию нишевых онлайн-сообществ для тех, кто играет в конкретную игру или следит за какой-то командой, производящей игры. В 2014 году развернулась скандальная харассмент-кампания #GamerGate, якобы посвященная этике в журналистике видеоигр, но в значительной степени подпитываемая женоненавистническими и антипрогрессивными настроениями в игровых сообществах. Она включала в себя координированные преследования, доксинг (распространение личной информации) и угрозы в адрес женщин в игровой индустрии, в частности разработчиков, критиков и журналистов, выступающих за большее разнообразие и инклюзивность. Это событие продемонстрировало способность видеоигр создавать сильную идентификацию внутри группы и потенциальную уязвимость игровых сообществ к радикализации. Многие игровые форумы культивируют «политически некорректную» культуру, где распространены расистские, сексистские и гомофобные шутки, укрепляющие мировоззрение, продвигающее социальное исключение под видом свободы слова. Хотя #GamerGate больше не является стимулирующей силой в Интернете, его наследие можно почувствовать в том, как определенные группы геймеров реагируют на игры, фильмы и телешоу, в которых представлены разнообразные актерские составы или центральные сюжеты и персонажи, считающиеся прогрессивными.

Спортивные инфлюенсеры используют YouTube и подкасты для продвижения реакционных нарративов о спортсменах, которые занимаются активизмом, и смешивают консервативные политические комментарии с освещением спорта, часто критикуя прогрессивные движения в спорте, защищающие расовую справедливость и гендерную инклюзивность. Одним из таких примеров является Barstool Sports, популярный спортивный медиа-бренд, который сыграл важную роль в распространении идей мужского превосходства. Хотя он позиционирует себя как легкомысленное СМИ, ориентированное на мужскую культуру, его контент часто пропагандирует мизогинию, отвергает прогрессивные

движения и поощряет культуру гипермаскулинности. Barstool Sports регулярно публикует материалы под названием «Угадай эту задницу», «Угадай эту грудь» и «Тверк-среда». А в 2010 году создатель Barstool Sports Дэйв Портной написал: «Я никогда не оправдываю изнасилование, но если ты носишь размер 6 и узкие джинсы, то в некотором смысле заслуживаешь быть изнасилованной, верно?». Представляя эти взгляды как юмористические, провокационные и бунтарские, он делает их более привлекательными для молодых мужчин, которые, возможно, намеревались просто следить за спортивными новостями, не осознавая, что они также сталкиваются с идеологией мужского превосходства.

> Заключение

Цифровые пространства для мужчин и мальчиков все больше формируются под влиянием идеологии мужского превосходства, превращая некогда поддерживающие сообщества в центры радикализации. Под видом самосовершенствования — будь то советы по свиданиям, фитнес, мода, спорт или игры — эти пространства нормализуют реакционные убеждения, которые укрепляют традиционные гендерные иерархии и идеалы исключения. Проникновение крайне правой идеологии в эти пространства подчеркивает необходимость создания более здоровых и инклюзивных сообществ для мужчин и мальчиков.

Чтобы противодействовать этой тенденции, мы должны задать вопрос: куда мальчики и мужчины могут обратиться, чтобы создать сообщество, не вынуждающее их потреблять контент, основанный на идеологии мужского превосходства? Ответ заключается в создании новых, позитивных пространств, которые продвигают здоровую маскулинность, эмоциональный интеллект и искреннюю поддержку. Поощрение открытых разговоров об идентичности, уязвимости и уважении может помочь отвлечь молодых мужчин от токсичного влияния. В конечном итоге, общество должно инвестировать в создание инклюзивной среды, где мужчины и мальчики могут общаться и мужать, не попадая в ловушку разрушительных идеологий. Мальчики и мужчины ищут сообщества и онлайн-пространства, которые предлагают советы, руководство и общение; нет никаких причин, по которым онлайн-пространства, посвященные интересам мальчиков и мужчин, должны становиться пространствами, посвященными женоненавистничеству и экстремизму. ■

Адрес для связи: <dashtgard@american.edu>

> Мода как оружие крайне правых

Андреа Гриппо, Академия изящных искусств, Вена, Австрия

От однородности к фрагментарности: эстетический дрейф крайне правых. Рисунок создан автором с помощью ChatGPT.

Коллективные действия крайне правых претерпели глубокие изменения. Наряду с прямым политическим противостоянием значительно расширились культурные стратегии, ориентированные на символическое, эстетическое и перформативное содержание. Крайне правые акторы теперь стремятся переформировать коллективное воображение, переопределить культурную принадлежность и повлиять на повседневные практики.

> Изменение роли моды в крайне правых кругах

Мода стала одним из самых эффективных инструментов крайне правых в борьбе за культурную гегемонию, предлагая средство, с помощью которого можно распространять и нормализовать нарративы исключения, наци-

оналистические мифы и авторитарные идеалы. В центре культурного поворота крайне правых мода в стратегических целях превращена в оружие.

В субкультуре нацистских скинхедов мода служила входом в группу и важным инструментом формирования идентичности. Нацистские скинхеды объединили стиль британского рабочего класса с субкультурой модов (mods) и ямайским ска, создав особую эстетику, включающую бритые головы, кожаные куртки и боевые ботинки. Хотя исторически эстетика скинхедов была очень сильной, сегодня она является незначительной частью более широкой и фрагментированной визуальной культуры крайне правых.

С конца 1990-х годов мода крайне правых диверсифицировалась, отказавшись от явных кодов в пользу камуфляжа и неоднозначности. Эстетическое соответствие больше не является обязательным условием вступления в движение. Вместо этого мода становится пространством дифференциации и адаптивности. Как [отмечает Миллер-Идрисс](#), «сегодняшняя крайне правая молодежь может выражать свою индивидуальность и при этом оставаться правой».

Крайне правые приняли «[язык моды](#)» не только как средство выражения идентичности и принадлежности, но и как инструмент повышения заметности, привлечения новых последователей и нормализации своего мировоззрения с помощью символики, стиля и повседневных потребительских товаров. Эстетические стратегии ультраправых эволюционировали на протяжении поколений; для передачи своей идеологии и культурных ценностей они включали существенные инновации использования визуального языка, стиля и символики. Эти эстетические сдвиги позволяют крайне правым мягко войти в мейнстримные пространства, незаметно раздвигая границы того, что считается социально приемлемым.

> Поколение X (1965–1980): эстетическое бунтарство и стилистическая гибридизация

В конце девяностых годов крайне правые силы претерпели значительные эстетические изменения, отказавшись от жесткого однообразия неонацистских скинхедов и приняв более разнообразную, гибридную и бунтарскую эстетику. Ключевым визуальным архетипом, появившимся в это время, стал воин-викинг: руны, отсылки к Вальгалле и мифологические персонажи (напр., Тор) стали

>>

повторяющимися мотивами одежды, символизируя силу и зашифрованные выражения этнического наследия. Эти мифологические отсылки начали смешиваться с традиционными символами крайне правых и элементами, заимствованными из контркультурных миров байкеров, рокеров, хулиганов и др. Уличная одежда стала ключевым ориентиром распознавания, создавая визуальную идентичность, которая уравнивала маскулинность бунтарства с идеологическими сигналами. Символы стали закодированными и неоднозначными, позволяя тем, кто их носил, выражать свою принадлежность, избегая при этом непосредственного внимания общественности.

Поворотным моментом стало появление немецкого бренда *Thor Steinar* (Thor Steinar), который представляет собой микс скандинавско-германской мифологии с модой для активного отдыха и рабочей одеждой. Его логотипы, цифры (например, «44») и рунические символы функционировали как семиотические «серые зоны» — расшифровываемые в кругах крайне правых, но отрицаемые публично. Даже название бренда сочетало в себе лексемы «*Thor*», имя скандинавского бога грома, и «*Штайнар*», отсылающее к генералу Ваффен-СС Феликсу Штайнеру. Стратегия была ясна: встроить радикальную символику в дизайн, приемлемый для широкой публики.

Эта стратегия стала стандартом. Такие бренды, как *Erik & Sons* и *Ansgar Aryan*, последовали этому примеру, усиливая «воинский» дух, который подчеркивал наследие, силу и сопротивление — коды белого превосходства, облеченные в кажущуюся нейтральной эстетику.

> Миллениалы (1981–1996): классическая античность и культурная маскировка

Возникновение цифровой культуры вновь изменило моду крайне правых. Агрессивные и воинственные стили уступили место более элегантной и коммерчески привлекательной эстетике — повседневной спортивной одежде, нормкору и стилю хипстеров. Минималистичные поло и пастельные тона заменили боевые ботинки и бомберы.

Символически темы викингов ушли в прошлое. На их место пришли бренды, вдохновленные классической античностью: Спарта, Рим, фаланги, легионы. Крайне правые переосмыслили себя как наследников единой греко-римской цивилизации, находящейся под угрозой мультикультурализма. Здесь визуальная культура представляла Европу как самобытный и культурно чистый цивилизационный блок. Этот сдвиг совпал с этноплюрализмом, подчеркивающим приоритет культурного разделения над расовой иерархией. Такие бренды, как *Phalanx Europa*, *Pivert* и *Peripetie*, объединили греческие и латинские слоганы и героические отсылки в одежде стиля нормкор.

Темы стойкости и культурного происхождения были переданы через чистую, доступную эстетику. Эта стратегия

позволила этим брендам циркулировать как в радикальных, так и в мейнстримных пространствах. Одежда стала троянским конем: она была идеологически заряженной, но визуально более нейтральной.

> Поколение Z (1997–2012): эстетическая гипернормализация и визуальная перформативность

В поколении Z крайне правая мода приобретает ироничный, мягкий и неоднозначный характер. Выросшее в интернете, это поколение сочетает в себе мем-культуру, поп-эстетику и подрывные идеи. Идеологические послания встроены в легкие или юмористические дизайны, часто отсылающие к символике противников, например, к знакам ЛГБТК+ или левым лозунгам, которые затем используются для насмешек или идеологического переворачивания. Ярким примером является Тим Келлер, немецкий ультраправый ютубер, чьи дизайны в цветах радуги, единороги и ироничные лозунги пародируют инклюзивность и гендерное разнообразие. Его товары сочетают яркие, инклюзивные визуальные элементы с ненавистническим содержанием. Этот намеренный визуальный диссонанс, в котором радикальное содержание облекается в поп-упаковку, стал визитной карточкой ультраправой моды поколения Z.

> Заключение

Переходя от единообразия к гибридации, от мифологии к классической цивилизации и, наконец, от закодированных символов к гипернормализованной иронии — ультраправая мода превратилась в сложную систему культурной коммуникации. То, что начиналось как субкультурная идентичность, стало полноценным рынком стили жизни, способным нормализовать экстремистские нарративы через повседневную одежду.

Попытка интегрировать крайне правую эстетику в мейнстримную моду — это не просто брендинг, а целенаправленная политическая стратегия, направленная на нормализацию. Встраивая свои идеологии в повседневную потребительскую культуру, крайне правые акторы сдвигают границы приемлемого дискурса. Использование стилей нормкор и минимализм позволяет им выглядеть неопасными, позиционируя свои взгляды как часть более широкого, нормализованного политического ландшафта. Результатом является тонкая, коварная форма эстетической войны, которая маскирует экстремизм под мягкостью, иронией и привлекательностью для широкой публики, затрудняя сопротивление и делая проникновение более эффективным. В результате эстетика стала оружием, а экстремизм — нормой. ■

Адрес для связи: <a.grippa@akbild.ac.at>

> Наступление крайне правых сил на гражданское общество

Сумрин Калия, Свободный Университет Берлина, Германия

Участники собрания TLP в Карачи 30
марта 2022. Фото автора.

По всей Европе и за ее пределами крайне правые силы больше не являются маргинальными. Крайне правые партии добились значительных успехов на выборах и используют государственный аппарат для преследования меньшинств, репрессий против правозащитных организаций и поощрения волонтеристского насилия в отношении маргинализованных сообществ.

Почему и как крайне правые партии сумели завоевать популярность? Эти вопросы были в центре внимания нескольких научных исследований. Некоторые ученые утверждают, что быстрые изменения, вызванные глобализацией и модернизацией, привели к экономическому и культурному недовольству, создав благоприятные условия для подъема крайне правых партий. [Другие утверждают](#), что глухота основных политических партий, упадок голосования в соответствии с экономическим классом и растущая медиатизация политики способствовали резонансу крайне правых идей исключения.

> Случай Пакистана

Такие условия как раз характерны для Пакистана. Однако, опекающий контроль со стороны военных и слабая институционализация избирательной конкуренции сдерживали рост крайне правых партий в Пакистане. Тем не менее, их идеи приобрели значительную популярность и привели к усилению враждебности по отношению к меньшинствам, а также феминистским и либеральным группам.

В этой статье я утверждаю, что для понимания резонанса и нормализации ультраправых идей нам необходимо перенести акцент на гражданское общество, понимаемое как сфера социального и политического участия. Ультраправые партии [используют стратегии общественных движений](#), чтобы эксплуатировать существующие недовольства, расширять влияние своих идей и [изменять политическое поведение, отношения и культуру](#).

Чтобы проиллюстрировать свою точку зрения, я рассмотрю случай одной крайне правой партии в Пакистане. Пакистан представляет собой интересный случай для изучения нормализации крайне правых идей в гражданском обществе. Политические институты здесь слабы в плане обеспечения соблюдения демократических норм, а военные контролируют политическую конкуренцию посредством избирательного покровительства и репрессий в отношении политических деятелей. В результате политическая конкуренция перетекает в гражданское общество, где крайне правые партии не только формируют традиционные политические предпочтения, но также занимают протестную мобилизацию.

Далее я покажу, как эта партия использует стратегии, свойственные общественным движениям, добиваясь усиления резонанса идей исключения. В частности, я проиллюстрирую три метода, используемые лидерами, членами и активистами партии для распространения своих идей и норм.

> Техрик-е-Лаббаик Пакистан (TLP)

Техрик-е-Лаббаик Пакистан (Tehreek-e-Labbaik Pakistan, TLP) заявляет, что является религиозной политической партией, целью которой является защита пакистанских законов о богохульстве, которые специально направлены на борьбу с преступлениями, связанными с исламом, его священными фигурами и Кораном. Партия появилась на политической арене Пакистана на выборах 2018 года, выдвинув 262 кандидата, и заняла пятое место по числу собранных голосов. К выборам 2024 года она заняла четвертое место, обогнав все устоявшиеся исламистские партии. Помимо выборов, TLP заглушила общественную дискуссию о реформе законов о богохульстве. Партия оправдывает внеправовые убийства и нападения на ахмадитов, феминисток и активистов.

Пакистан представляет собой убедительный пример нормализации ультраправых идей в гражданском обществе, поскольку политическая конкуренция не полностью институционализована электоральными процессами, а разворачивается в рамках гражданского общества. Политические институты (судебная, законодательная и исполнительная власть) остаются слабыми в плане обеспечения соблюдения демократических норм, поскольку мощные вооруженные силы не только сдерживают эти институты, но и ограничивают гражданские свободы. Высокая степень неравенства и захват власти элитой парализовали социальную мобильность, в то время как любая активность левых, светских и феминистских групп жестко ограничивается. Чтобы сохранить контроль военные исторически постоянно прибегали к [избирательному покровительству политических акторов](#), включая исламистов. В то время как предыдущие военные режимы благоприятствовали группам деобанди и салафитов, нынешняя власть способствовала росту TLP, предоставив ей большее политическое пространство и легитимность.

> Методы наступления на гражданское общество

Подобно большинству ультраправых партий в Европе, TLP сочетает избирательные стратегии и стратегии общественного движения, что позволяет ей действовать как на уровне гражданского общества, так и в пространстве официальной политической конкуренции. Ультраправые партии часто зарождаются в гражданском обществе как социальные движения, а затем переходят в разряд официальных политических образований, организуясь в виде движений или массовых партий. [Будучи гибридными](#), они сочетают избирательные стратегии и стратегии общественных движений, в рамках которых политические предприниматели и активисты инвестируют как в протестную мобилизацию, так и в формирование традиционных политических предпочтений.

Будучи одновременно партией и движением, TLP для расширения своего влияния и получения легитимности в гражданском обществе использовала три метода, которые я вкупе называю «методами наступления на гражданское общество», расширяющими влияние идей

и норм партии. Под наступлением я имею в виду культурный процесс, при котором нарушается граница между гражданским и антигражданским (uncivil) обществом – так, что антигражданское общество наступает на гражданское.

> Рефреймирование нарративов

TLP переписывает религиозные нарративы в соответствии со своими политическими целями. Так, например, посещение Пророком города Таиф, которое исторически считается примером терпения и прощения, харизматичный лидер TLP Хадим Хуссейн Ризви переосмысливает с целью разжигания ненависти и мести. Аналогичным образом, история Илама Дина, молодого мусульманина, убившего индуистского издателя в колониальной Индии, пересказывается активистами TLP в контексте прославления внеправового насилия. Эти переосмысления подкрепляются выразительными речами, отредактированными видеороликами в социальных сетях и риторическими стратегиями, которые смешивают религиозную преданность с политическими действиями.

> Сетевое брокерство

TLP расширяет свое влияние, привлекая низовых активистов, которые выступают в качестве посредников между различными сетями и позволяют TLP проникать в существующие религиозные организации и сети. Например, во время выборов 2018 года активисты TLP установили связи с такими организациями, как *Dawat-e-Islami* (DI) и *Sunni Tehreek*, и использовали группы WhatsApp для распространения пропаганды TLP. Аналогичным образом, они также распространяли свои политические послания в студенческих организациях, таких как *Anjuman-e-Tulba-e-Islam* (ATI), что помогло мобилизовать поддержку сидячей забастовки TLP в Файзабаде. Эти посредники способствовали распространению партии за пределы ее основной базы, расширив ее влияние на другие религиозные, образовательные и политические сферы.

> Символические перформансы

Чтобы усилить поддержку, TLP внедряет идеи исключения в существующие религиозные символы и практики.

Мечети, в частности мечеть Бахар-е-Шариат в Карачи, служат местами, где обычные религиозные собрания используются в целях политической мобилизации. Такие ритуалы, как чтение акафиста, перепрофилируются для распространения идеологии TLP. Во время избирательных кампаний сандалии Пророка (Налаайн) использовались в качестве символа кампании, а практика поцелуя большого пальца в знак преданности Пророку была переосмыслена как символический акт голосования за TLP.

В Пакистане наступлению TLP способствовали такие структурные условия, как существующие социокультурные разделения, военная поддержка и слабость контрдвижений. Для обретения легитимности партия воспользовалась исторически сложившимися исламистскими движениями, в частности, антиахмадийскими кампаниями 1950-х и 1970-х годов, переформулировав их идеологию и переориентировавшись на «святость пророчества». Она также извлекла выгоду из гибридной политической системы Пакистана, в которой военные элиты выборочно покровительствуют одним религиозным партиям, одновременно подавляя другие, что позволило TLP расширять свое влияние за пределы секты Барелви. Между тем, действия других участников гражданского общества, таких как религиозные меньшинства, левые партии и светские феминистки, по-прежнему чрезвычайно ограничены репрессиями и политикой покровительства и не могут противостоять растущему влиянию TLP.

Итак, слабые институты гражданской свободы, религиозный национализм и политический клиентелизм в Пакистане создают благоприятные условия для наступления на гражданское общество. Однако, на наш взгляд, стоит изучить, происходит ли подобное наступление в контексте сильных политических институтов, защиты гражданских прав и институционализированной политической конкуренции, и если да, то каким образом. В конце концов, не только политические институты, но и сильная гражданская сфера могут противостоять наступлению крайне правых на гражданское общество и нормализации их идей во всем мире. ■

Адрес для связи: <sumrin.kalia@fu-berlin.de>

> Влияние популистского управления

на защиту интересов гражданского общества

Роберто Скарамуццино и Сесилия Сантили, Лундский университет, Швеция

Между лоббированием и защитой интересов (advocacy). Рисунок создан автором с использованием Microsoft Copilot.

Приход к власти правых популистских партий в либеральных демократиях вызвал острую дискуссию о состоянии и будущем демократии. Швеция является ярким примером страны со стабильными демократическими институтами, активным гражданским обществом и высоким уровнем доверия к государственным институтам, в которой правая попу-

>>

листская партия, *Шведские Демократы*, с каждым выборами укрепляет свои позиции. После выборов 2022 года *Шведские Демократы* получили прямой доступ к государственной политике, поддержав правоцентристское правительство во главе с либерально-консервативной партией.

Опираясь на значительный опыт изучения гражданского общества в Школе Социальной Работы Лундского университета и при финансовой поддержке Шведского Совета по Научным Исследованиям, в 2024 году мы начали исследовательский проект под названием «Гражданское общество и популизм: как приход к власти популистских партий влияет на отношения между государством и гражданским обществом». В проекте используется сравнительный подход, сосредоточенный на двух странах - Швеции и Италии. Последняя является интересным примером либеральной демократии с долгой историей влияния правых популистских партий на политику правительства. В этой краткой статье мы представляем исследовательскую повестку проекта и выводы исследования, недавно опубликованного в *Международном Журнале Политики, Культуры и Общества* ([International Journal of Politics, Culture, and Society](#)).

> Либеральные демократии: центральная роль гражданского общества в защите интересов (advocacy) социальных групп

Одной из основных функций организаций гражданского общества (ОГО) в либеральной демократии является защита интересов социальных групп. Для ряда организаций это означает отстаивание прав или интересов конкретных социальных категорий - женщин, людей с ограниченными возможностями или других меньшинств. Другие организации преследуют более общие интересы, не имея строгой представительной роли; к таковым относятся, например, те, которые занимаются вопросами устойчивого развития, мира или прав человека. Роль ОГО в защите интересов (advocacy) является отличительной чертой либеральной демократии и предполагает доступ к свободным публичным дебатам и процессам принятия политических решений. Таким образом, ОГО можно рассматривать как посредников между государственным аппаратом и гражданами.

Такая защитная роль (advocacy) потенциально вступает в противоречие или даже в конфликт с тем, как многие правые популистские партии понимают свое положение в обществе и политической системе. Эти партии, как правило, подчеркивают прямую связь между лидером и народом, отвергая идею посредников, таких как ОГО, которые могут рассматриваться как часть коррумпированной элиты. Кроме того, многие ОГО, занимающие центральное место в процессе принятия государственных решений в течение последних нескольких десятилетий, возникли из социальных движений, которые продвигают гуманизм, солидарность, права меньшинств и борются с дискриминацией. Эти ценности противостоят националистическим, натовистским и консервативным взглядам многих правых популистских партий.

> Защита интересов и четыре типа реакции ОГО

В нашем исследовании рассматривается, как операционно эффективные ОГО Италии и Швеции реагировали на бюджетное законодательство своих правительств, принятое в 2024 году. Бюджетное законодательство является важной частью государственного управления, поскольку оно определяет распределение ресурсов на различные политические программы, в том числе на финансирование ОГО. Бюджет может стать важным инструментом популистского управления, под которым понимается осуществление власти популистскими партиями. Мы изучаем эффективные ОГО, потому что, занимая центральное место в процессе принятия политических решений и обладая значительными ресурсами, они могут сильно пострадать от изменений, вызванных мерами популистского управления, не в последнюю очередь, вследствие сокращения финансирования. Кроме того, благодаря своей операционной эффективности, они могут критиковать политику правительства, хотя и рискуют при этом потерять свое привилегированное положение.

Для интерпретации различных стратегий адвокации мы разработали модель реакции ОГО на изменения в политике, основанную на двух измерениях: 1) уровень критики (от принятия до отвержения); и 2) направленность критики (от ориентации на конкретную политическую программу до ориентации на всю систему). Эти два измерения пересекаются, образуя четыре различных варианта реакции (см. рис.).

Реакции ОГО на изменения в политике

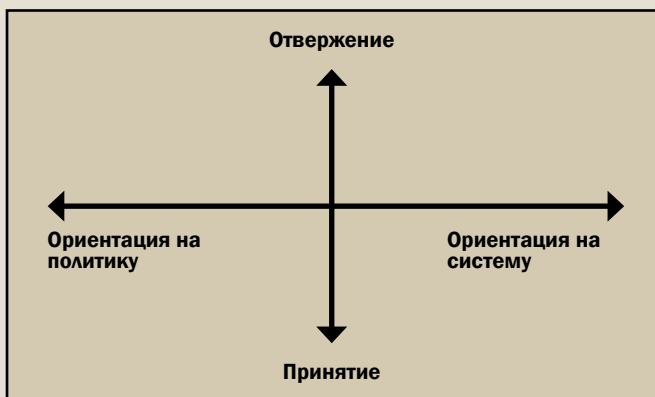

Рисунок авторов.

Изображенная выше модель позволяет характеризовать реакции в соответствии с этими измерениями. Принятие конкретных политических программ (внизу слева) характерно для ОГО, которые в целом признают политический статус-кво, но могут критиковать конкретные детали политики. Принятие, ориентированное на систему (внизу справа), характерно для ОГО, которые признают более широкие политические рамки, но выступают за значительные системные реформы.

Что касается более противоречивых реакций, то политически ориентированное неприятие (вверху слева) будет характерно для ОГО, которые отвергают конкретные политические программы или инициативы популистских

правительств, не ставя под сомнение всю систему в целом. Наконец, системно ориентированное неприятие (вверху справа) будет характерно для ОГО, которые принципиально выступают против популистского управления и поддерживают существенные преобразования.

> Разные ОГО реагируют по-разному

В нашем исследовании мы обнаружили примеры всех четырех типов реакции; это означает, что ОГО могут по-разному реагировать на изменения, вызванные популистским управлением, в зависимости от своих позиций в организационном поле. Некоторые сферы политики могут быть подвержены реформам, которые ОГО считают неблагоприятными для своих целей и интересов, которые они представляют. По сравнению с ОГО, действующими в конкретных сферах политики, организации, стремящиеся представлять весь сектор гражданского общества, могут следовать более конфликтному или более осторожному подходу в зависимости от уровня консенсуса среди своих членов. Исходя из своей идеологии и миссии, некоторые из них могут также чувствовать более серьезную угрозу со стороны той повестки, которую они считают националистической и консервативной. Это может, например, относиться к организациям, связанным с движениями рабочих или мигрантов.

Результаты исследования показывают, что различные ОГО будут по-разному реагировать на популистское управление в зависимости от своего восприятия последствий реформ, сферы политических интересов, идеологии и ценностной базы, а также своего положения в иерархии гражданского общества.

> Значимость контекста для реакций ОГО

Одно из главных преимуществ сравнительных исследований опирается на предположение, что контекст влияет на результаты. Италия и Швеция представляют собой два очень разных контекста стабильных либеральных демократий в Европе. Итальянское гражданское общество традиционно ориентировано, в первую очередь, на предоставление социальных сервисов, в то время как шведское гражданское общество ориентировано на выражение мнений и представительство интересов. Государственное финансирование гражданского общества в Италии, как правило, носит более косвенный характер, осуществляется через региональные и местные органы власти. В Швеции, напротив, финансирование напрямую осуществляется государственными органами. Эти страны также различаются по типам популистских партий, их исторической траектории и доступу к власти.

Мы выявили не только существенные различия между реакцией итальянских и шведских ОГО на бюджетное законодательство, но и общие различия реагирования ОГО на уровне отдельных стран. В обеих странах мы наблюдаем примеры реагирования, относящиеся к трем из

выделенных четырех типов. Однако при сравнительном анализе реакций ОГО в двух странах мы обнаруживаем, что шведские ОГО, как правило, более склонны к отрицательной оценке популистского управления и выдвигают более системную критику. Учитывая, что наше исследование основано на изучении небольшого числа ОГО (11 в каждой стране), мы все же полагаем, что наши результаты показывают, что национальный контекст действительно имеет значение для реакции ОГО на меры популистского управления.

Одним из возможных объяснений этих различий может быть продолжающаяся нормализация популистского управления в Италии, стране, где ОГО имеют дело с такой политикой более длительное время. Механизм нормализации, возможно, еще не освоен шведскими ОГО. Ориентация гражданского общества Италии на предоставление социальных услуг также может сделать ОГО менее склонными к критике правительства, чем более ориентированный на защиту интересов гражданский сектор Швеции. Исследуя государственные институты, мы также можем предположить, что в стране, где государство напрямую контролирует финансирование гражданского общества, как в Швеции, популистское управление, направленное на ограничение деятельности оппозиционных ОГО, оказывает на них более прямое влияние, что вполне обоснованно вызывает более сильную реакцию с их стороны.

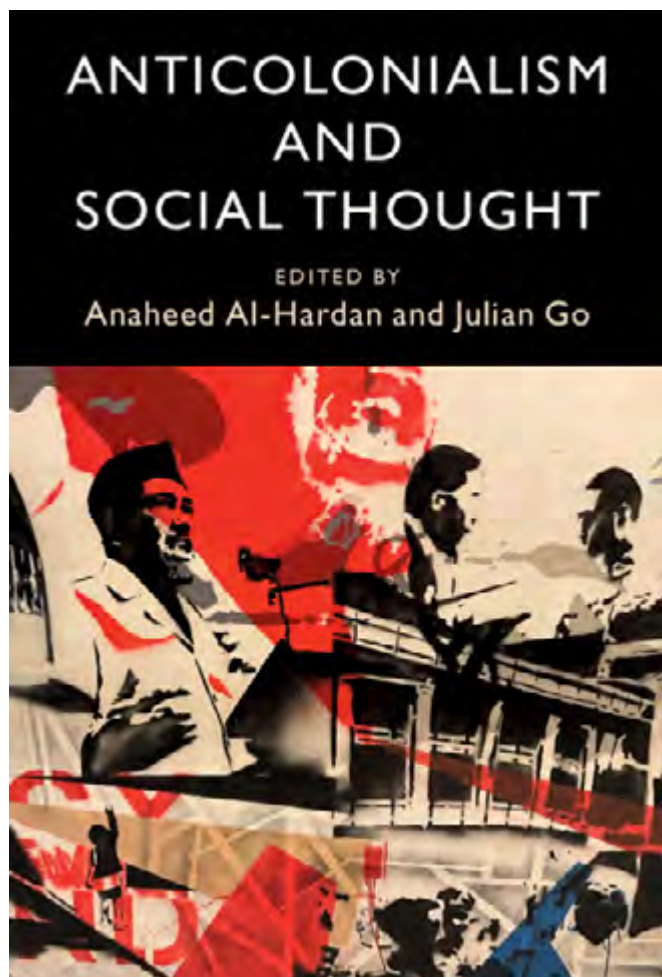
> Могут ли ОГО быть противовесом популистскому управлению?

Ответ на этот вопрос не прост. Важно отметить, что либеральные правительства в хорошо функционирующих либеральных демократиях, не имеющих прямой связи с популистскими партиями, ввели ограничительные меры в отношении ОГО. Поэтому не удивительно, что многие ОГО в разных контекстах ощущают сужение пространства гражданского общества. Недостаток пространства для маневра сопровождается ограничительной политикой, направленной на многие группы и проблемы, с которыми работают оперативно эффективные ОГО. Вопрос о том, в какой степени ОГО могут сохранять свою эффективность, одновременно занимая критическую позицию по отношению к государственной политике, является центральной темой изучения гражданского общества. Этот вопрос становится актуальным в период популистского правления, которое может привести к отступлению от демократии и переходу к более авторитарному правлению. Кроме того, ОГО могут стать менее склонными к осуществлению критической деятельности по защите интересов в связи с нормализацией популистского правления и правового дискурса. Необходимы дальнейшие исследования структурных и организационных предпосылок деятельности ОГО в период популистского правления, а также в других национальных контекстах. ■

Адрес для связи: <roberto.scaramuzzino@soch.lu.se>

> Антиколониализм в истории и социальной теории

Анахид Аль-Хардан, Университет Говарда и Джулиан Го, Чикагский университет (США)

Anticolonialism and Social Thought, Anaheed Al-Hardan and Julian Go (editors) [Антиколониализм и социальная мысль, под ред. Анахида аль-Хардана и Джулиана Го]. Cambridge University Press. Ожидаемая дата публикации: Август 2025.

Усилия по «глобализации» социальной теории, преодолению ограничений доминирующих социологических перспектив и переосмыслению канонов предпринимаются уже на протяжении десятилетий. Мы полагаем, что основанием этого проекта является антиколониальное мышление и его базовые принципы. Антиколониализм как позиция противостояния империи и империализму породил и продолжает порождать новую, инновационную и жизненно важную социальную мысль. Выступая в XX веке против имперского мира, антиколониальные акторы подвергали его разрушительной критике. Они бросили вызов расизму, экономической эксплуатации, политической изоляции и социальному неравенству, характерному для империи. Они также стремились лучше понять мир, с которым боролись, разрабатывая новые концепции и по-новому размышляя

о мире. Таким образом, антиколониализм породил новые версии социального анализа, новые понятия и теории, необходимые для понимания общества. Они являются проявлением поистине критического и диссидентского социологического воображения. Мы полагаем, что изучение антиколониальных движений и мыслителей является одной из стратегий преодоления ограничений многих доминирующих социологических подходов.

> Определение места антиколониальной мысли

Современный европейский и американский империализм зародился в XV веке одновременно с завоеванием Америки. Используя колониализм в качестве одного из основных инструментов политического и экономического господства, современный империализм достиг своего расцвета в XX веке, когда подавляющая часть обитаемых территорий мира состояла из колониальных империй и бывших колоний. Империализм продолжает определять структуру современного мира в форме продолжающегося колониализма и неоколониализма. Однако империализм всегда сталкивался с сопротивлением со стороны крестьян, подневольных рабочих и рабов, а также активистов, писателей, художников и интеллектуалов, оспаривающих господство Европы, а позднее и США, и связанное с ним неравенство. В настоящее время, когда неоколониализм и колониализм продолжают существовать, антиколониализм от Стэндинг-Рок до Газы продолжает создавать проблемы для имперских держав. Принимая различные формы и имея сложную генеалогию — от сопротивления коренных народов колониальному правлению в Америке, Гаитянской революции против Франции, многочисленных вооруженных восстаний эпохи деколонизации против ослабевающих европейских империй после Второй Мировой Войны или более позднего движения *Black Lives Matter* и глобальных захватов университетов в поддержку справедливости в Палестине — антиколониализм имеет богатую многогранную традицию и представляет собой непрерывную борьбу, которая вдохновляет последователей и бросает вызов миру.

Хотя историки раскрыли некоторые ключевые аспекты антиколониальных движений, осветив их сложность, противоречия и борьбу, наша цель состоит в том, чтобы восстановить теоретические и эпистемические аспекты антиколониализма. Об этом идет речь в готовящейся к выпуску в Cambridge University Press книге под названием «Антиколониализм и социальная мысль» (*Anticolonialism and Social Thought*). Антиколониализм породил новое новаторское жизненно важное социальное мышление, которое бросает вызов империям и империализму. Антиколониализм долгое время был активным полем социального воображения, ко-

>>

торое остается актуальной и сегодня и, по нашему мнению, представляет собой самостоятельный жанр социальной мысли и социальной теории. Поэтому мы предлагаем рассматривать антиколониальную мысль как источник социальной теории, порожденный историей антиколониализма. Мы определяем антиколониализм как политическую позицию, которая провозглашает свою культурную, социальную и экономическую приверженность устранению неравенства, порожденного колониализмом и империализмом, которые изначально обусловлены опытом колониального имперского порабощения. Исторически и до настоящего времени эта позиция охватывает целый ряд критических взглядов и проектов. Наш проект восстанавливает социальные — и социологические — аспекты этой позиции.

> Вызов имперской позиции

Наша позиция основана на двух основных положениях. Во-первых, мы полагаем, что большая часть социальной теории, которая циркулирует в социологических факультетах и социальных науках в целом, берет свое начало в давней империалистической традиции и явно или неявно отражает «имперскую точку зрения». То, что сегодня называется социологией, что находит выражение в ее абстрактных принципах, и сформулировано в качестве «социальной теории», сформировалось в контексте глобальной экспансии европейского и американского империализма. Рожденная в империи, из империи и для империи, социальная теория таким образом занималась конкретными вопросами, формулировала концепции и теории и проводила исследования, которые отражали интересы, заботы и опыт элит в имперских метрополиях. Там, где в сердце империй все же звучали антиимпериалистические голоса, такие как голос У. Э. Б. Дюбуа, они были вытеснены на второй план.

Сегодня социальные науки продолжают нести в себе имперский отпечаток прошлых эпох, который можно найти в их аналитических категориях, базовых предположениях и исследовательских вопросах. Созданные с имперской точки зрения, традиционные направления социальной теории по-прежнему привязаны к ее провинциальности, упущениям и слепым пятнам. Как утверждают в последние годы многие критики, большая часть социальных дисциплин, от теоретизирования до исследовательских методов, страдает от неспособности всерьез проработать свою связь с империализмом и расизмом, страдает от постоянного европоцентризма и ориентализма, а также продолжает игнорировать опыт, интересы и проблемы большинства населения мира. В то же время, обширные области социальной теории и социологии в более широком смысле продолжают интернализировать ограниченную оптику имперского взгляда, сталкиваясь с проблемами эссенциализма, аналитических бифуркаций и метроцентрических установок. Даже в так называемом «постколониальном» мире большая часть социальной теории и современных социальных наук несет в себе наследие европейского и американского империализма — не в последнюю очередь потому, что во многих странах мира социальные науки сначала были созданы в рамках культуры европейских, а затем и американской империй. Это относится и к аналитическим построениям доминирующих «критических» теоретиков, от мыслителей Франкфуртской школы до Мишеля Фуко.

Во-вторых, мы полагаем, что преодоление пагубного наследия, оставленного фундаментальной связью социальной теории с империей и империализмом, требует от нас выхода за рамки существующих в рамках нашей дисциплины попыток сделать социологию и ее теоретическое крыло менее провинциальными, более глобальными и открытыми разнообразию мирового опыта. Мы имеем в виду проекты, претендующие на создание «коренной социологии», «теории Юга» или «Южные эпистемологии», а также проекты, которые стремятся создать «автономные традиции» социальных наук или восстановить отдельные региональные и национальные традиции за пределами Европы. Все эти эпистемические проекты ценны и значительно продвинули дискуссию. Но у них есть определенные ограничения, которые, по нашему мнению, можно преодолеть, обратившись к историческому антиколониализму как источнику социальной мысли, который по-прежнему актуален сегодня.

> Глобальная капиталистическая политическая география не имеет большого значения для антиколониальной теории или политических убеждений

Основным ограничением существующих подходов является то, что они направлены на одну узко определенную проблему европоцентризма, и поэтому ищут решения, основанные на географическом принципе. Согласно этим подходам, проблема доминирующей социальной теории заключается в том, что она происходит из Европы или «Запада». Поэтому решение заключается в поиске «незападных» или «неевропейских» идей или мыслителей. Цель состоит в том, чтобы найти и использовать «незападных», «коренных», «азиатских», «африканских» или «южных» мыслителей, найти интеллектуальные пространства «вне» или «за пределами» «Запада» и «Глобального Севера». Таким образом, эти подходы ставят под сомнение географическое происхождение мысли, а не ее содержание, предполагая, что последнее определяется первым. Если социальный мыслитель проживает или происходит из «незападного» или «неевропейского» места, его идеи обязательно должны цениться (только из-за этого географического положения).

Такая критика европейской социальной науки, основанная на географии, безусловно, имеет некоторый смысл. Исторически политическая экономия империализма в общих чертах отразилась на глобальной географии, в которой ее капиталистическое ядро, Европа, а затем и США, часто понимаемые как «Запад», а в последнее время как «Глобальный Север», доминировали над «Востоком» или, в более позднее время, над «Глобальным Югом» как материально, так и эпистемологически. Однако эта грубая география глобальной капиталистической политической экономики не отражает реальность колонизированных и расовых групп в империалистических центрах. Коренные общины и другие потомки колонизированных и порабощенных народов проживают как на Глобальном Севере, так и на Глобальном Юге. Более того, европейские поселенцы-колонисты и их потомки также проживают в бывших или современных колонизированных пространствах.

Связанное с этим ограничение заключается в том, что географическое положение не всегда четко соответствует

политической приверженности или формациям знания. Не все социальные мыслители бывшего колонизованного мира и не все произведенные там теории являются антиколониальными. Социальный дискурс в мире бывших колоний все еще может интернализировать империалистическую точку зрения, не в последнюю очередь из-за истории империализма, который послужил распространению и институционализации империалистических пресуппозиций, а также благодаря геополитической конфигурации современного производства знаний, которая служит современным империалистическим интересам и воспроизводит неоколониальную глобальную структуру производства знаний. Точно так же не все теоретики в «Европе» или на «Глобальном Севере» обязательно и по умолчанию являются частью гегемонной империалистической эпистемы. Не все они поддерживали и не все продолжают поддерживать империализм и колониализм и не обязательно действуют с империалистической позиции. Антиимпериалистические движения, в том числе под влиянием марксистской мысли, распространились в метрополиях в диалоге с антиколониальными движениями. Наша книга демонстрирует плодотворное и продуктивное распространение и переформулирование концепций, порожденных разными традициями, в духе антиколониального политического мировоззрения.

Таким образом, географически ориентированные подходы не предлагают альтернативу империалистической точке зрения или ее критику и, тем самым, невольно воспроизводят империалистические послышки. Они эссенциализируют регионы, культуры, народы или общества, разделяя их на отдельные географически определенные категории, и, при этом, приписывают этим отдельным географическим пространствам определенные эпистемические атрибуты. Такой «гео-эпистемический эссенциализм» является лишь выражением того вида эссенциализма, который долгое время был частью империалистической эпистемы и о котором Эдвард Саид давно предупреждал, в частности, в своей книге «Ориентализм».

> Потенциал антиколониальной точки зрения

Мы не отвергаем дискурсивные и лингвистические традиции мысли отдельных мыслителей или теорий, и не утверждаем, что институциональный контекст развития и распространения идей совершенно не имеет значения. Тем не менее, мы считаем, что география и идентичность сами по себе не являются достаточными категориями для определения и классификации диссидентских социальных теоретиков и альтернативной социальной теории. Поэтому в нашей книге мы рассматриваем социальных мыслителей и теоретиков с точки зрения их противостояния колониализму, а не с точки зрения географической идентичности или местоположения. Чтобы предложить подлинную альтернативу империалистической точке зрения, мы фокусируем внимание на антиколониальной точке зрения (определяемой как социально-политическая позиция, противостоящая империализму и основным формам колониализма и неоколониализма), которая порождает диверсифицированную традицию социальной мысли и теории.

В отличие от «коренных», «незападных» или других форм мысли, которые стремятся восстановить некоторые эпистемические проекты, корпус мысли, основанный на антиколониальной позиции, не является и не может быть позиционирован «вне» так называемой западной мысли. Напротив, антиколониаль-

ные мыслители критически подходили к европейским традициям мысли, борясь против европейского, а позднее и американского империализма. Антиколониальная мысль и теория были сформированы в критическом отношении к идеям и дискурсам имперской позиции. Попытки антиколониальных мыслителей расширить или исправить направления марксистской мысли, социологии метрополии или европейской философии являются яркими примерами такого взаимодействия. Кроме того, антиколониальная мысль не была и не является географически ограниченной отдельными пространствами «Глобального Юга». Антиколониальные социальные мыслители и их идеи широко распространялись как между метрополией и колонией, так и по всему колониальному миру. Примером здесь может служить маоизм, идеи которого перекочевали из контекста китайской антиколониальной революционной освободительной войны и были подхвачены и интерпретированы антиколониальными мыслителями и активистами Африки и Азии. Это не означает, что мы отрицаем структурирующее власть влияние центра; скорее, мы признаем, что антиколониальные социальные теоретики сформулировали теории и способы мышления, которые распространялись по периферии, и подчеркиваем отношения, которые были также вертикальными и не всегда горизонтальными по отношению к центру глобальных конфигураций власти.

> Антиколониализм необходим как никогда

Мы не романтизируем антиколониальную точку зрения. Антиколониальная задача переустройства колониального мира никогда не была чистой и непорочной. Также верно, что некоторые направления антиколониальной мысли не были застрахованы от эссенциалистских утверждений об идентичности или иерархических и фундаменталистских тенденций. Мы интересуемся антиколониальной мыслью не потому, что считаем ее идеологически или политически незапятнанной, а скорее из-за ее теоретического и политического потенциала. Она предлагает идеи, образы, концепции и категории, а также поднимает важные вопросы и проблемы, которые подавляет и игнорирует имперская точка зрения и ее выражение в традиционных социальных науках.

Наконец, мы не хотим сказать, что империализм и, наоборот, антиколониализм, прекратили свое существование. Империализм в форме продолжающегося колониализма и неоколониализма существует и сегодня. Есть территории, которые по-прежнему остаются формальными колониями. Пуэрто-Рико, Мартиника и Ангилья — некоторые из них. Фактически, Организация Объединенных Наций считает шестнадцать территорий с общим населением около двух миллионов человек все еще находящимися под колониальным контролем. Другие примеры продолжающегося и прямого колониализма можно найти в текущей борьбе палестинцев за национальное освобождение от сионистского поселенческого колониализма. Действительно, как и в прошлом, сохраняющийся империализм и колониализм в различных формах сегодня сталкиваются с новыми формами антиколониального сопротивления как в сердце метрополии, так и в нашем неоколониальном мире. Эта ситуация требует мощных теоретических инструментов и критического взгляда, которые, по нашему мнению, могут быть выработаны только на основе антиколониальной социальной мысли и теории, которые остаются такими же востребованными, как и раньше. ■

Адрес для связи: <igo34@uchicago.edu>

> Дарси Рибейро и глобальная теория с Юга

Аделия Миглевич-Рибейро, Федеральный Университет Святого Духа, Бразилия

Дарси Рибейро и Оскар Нимейер посещают Университет Бразилии (UnB) в 1985. Рис.: Центральный архив/UnB.

Наследие бразильского социального ученого и публичного интеллектуала Дарси Рибейро (1922–1997) составляет тысячи страниц. Это наследие остается недоисследованным в бразильской академии, несмотря на 90 изданий его трудов, опубликованных на десятках языков, что является редким достижением для латиноамериканского автора. Относительное молчание вокруг его идей может быть объяснено идеологическим несогласием, непринятием его стойкой позиции публичного интеллектуала и приверженности общей теории в период, когда такие подходы считались старомодными и отжившими.

Когда в Бразилии произошел военный переворот 1964 года, Рибейро встал на сторону президента страны Жуана Гуларта. Как и Гуларт, он отправился в ссылку, где стал, как он говорил, одним из «латиноамериканских гражд-

>>

дан». Вернувшись на родину после объявления амнистии в 1979 году, он вступил в Бразильскую Рабочую Партию (БРП) и посвятил себя восстановлению демократии.

> Долгосрочная перспектива: цивилизационный процесс

Рибейро был охвачен стремлением понять авторитарные тенденции Латинской Америки и постоянное запаздывание развития, эффектом которых он считал сведение статуса населения к положению «внешнего пролетариата» (“external proletariat”). Чтобы осмыслить историческую уникальность Латинской Америки он, прежде всего, стремился позиционировать ее в контексте глобального цивилизационного процесса, насчитывающего около 14000 лет развития.

Как мы классифицируем коренные народы континента, различающиеся в диапазоне от развитых цивилизаций до племен охотников и собирателей, которые по-разному отвечали на завоевание в зависимости от уровня своего развития? Как позиционировать коренные народы и европейцев, с одной стороны, и африканцев, которые были оторваны от своих сообществ, находившихся на различных стадиях развития, и транспортированы в Америку в качестве рабов? Как классифицировать европейцев, которые осуществляли завоевания? Можно ли считать, что иберийцы, которые прибыли первыми, и северяне, которые последовали за ними и доминировали на огромных территориях – представляют собой одну и ту же социально-культурную формацию? И наконец, как классифицировать и соотносить американские национальные общества? По степени их инкорпорированности в образ жизни обществ аграрно-торговой цивилизации или по критериям пришедшей ей на смену промышленной цивилизации?

В юности Рибейро находился под глубоким влиянием марксовской «Критики Политической Экономии» (*Grundrisse*), особенно его анализа гидравлических цивилизаций Ближнего Востока, т.е. того способа производства, при котором земля находилась в собственности фараона и управлялась бюрократией, которая организовывала сельскохозяйственное планирование и распределение труда. Рибейро провокативно рассматривал Иберию и обе Америки в рамках этого глобального цивилизационного подхода и отвечал своим критикам: «Несмотря ни на что, [я заслужил право утверждать, что я являюсь наследником Маркса](#)».

Он выступал за переформатирование научного дискурса и привлечение пристального внимания как к социальным контекстам, так и к позиции наблюдателя. Аналогично Марксу, он подчеркивал необходимость наблюдать, сравнивать и интерпретировать, ориентируясь на возможность трансформации. «Именно из этой перспективы мы написали работу [The Civilizational Process...](#)»

В своих ранних работах Рибейро занимался критической историей технологии и идентифицировал 12 цивилизационных процессов и 18 социально-культурных конфигураций, которые характеризуют 14 000 лет чело-

веческой истории. Осознавая риски чрезмерного обобщения, он, тем не менее, настаивал на теоретическом осмыслении тотальностей, синтезируя синхронический и диахронический анализ. Он стремился построить сильную сравнительную перспективу, которая была бы лишена иерархического ранжирования и отдавал предпочтение рациональному объяснению.

> Единый цивилизационный процесс и технологические инновации

Рибейро был сторонником многомерного неозволюционизма (что является отклонением от классического эволюционизма) и дистанцировался от монокаузальных и телеологических моделей. Он развивал эволюционную концепцию истории, а не «модель эволюционной необходимости», и считал свой подход существенно значимым для понимания социальных изменений, включая промышленные и социалистические революции. С его точки зрения, эволюция выражается в том, как группы творчески выстраивают свое существование в рамках той окружающей среды и в контексте тех событий, которые кристаллизуются в относительно сходные, но ограниченные во времени структуры.

Рибейро размышлял на разных уровнях абстракции. Он (как и Альфред Вебер) использовал понятие цивилизационного процесса и концентрировал внимание на единичных цивилизационных процессах (подобных культурным суперсистемам Питирима Сорокина). Он считал, что технологические революции по своему масштабу являются более ограниченными, чем широкие культурные революции, о которых писали Гордон Чайлд и Лесли Уайт. Он использовал термин «культурно-исторические конфигурации» по смыслу близкий к понятию культурных типов в культурной экологии Джулиана Стюарда.

Технологические революции, согласно Рибейро, представляют собой качественные трансформации взаимодействия человека и природы, которые влекут за собой качественные изменения в обществах. Эти революции определяют пути цивилизации, благодаря изменениям использования энергии, которые созданы людьми и одновременно формируют их жизнь. Эволюционные изменения происходят не линейным образом, а возникают благодаря успешной адаптации к сложностям окружающей среды. Технологические инновации никогда не были изолированными событиями, а являлись частью тройственной системы, каждый из элементов которой обладает внутренней структурой. а) Адаптивная система ответственна за производство и воспроизводство материальных условий жизни. б) Ассоциативная система регулирует производственные отношения. в) Идеологическая система включает все формы символической коммуникации (язык, знания, представления, ценности, социальные нормы, типы образа жизни и поведения).

> Рефлексивная модернизация и эволюционное ускорение

Рибейро подчеркивал, что технологические инновации могут возникать изнутри или заимствоваться извне,

приживаться благодаря диффузии. Каждая цивилизация обладает уникальным способом рецепции. Для развития этой идеи он использует два ключевых понятия – рефлексивная модернизация / историческая инкорпорация и эволюционное ускорение.

Первое понятие обозначает «принудительное вовлечение народов в более развитые социально-культурные системы, влекущее за собой утрату автономии или даже разрушение этнической идентичности». Понятие инкорпорации или рефлексивности дает объяснение регрессивным движениям, понимаемым как прогрессивные, но не являющиеся таковыми. Понятие эволюционного ускорения (акселерации) является альтернативным по отношению к рефлексивной модернизации / исторической инкорпорации.

Рефлексивная модернизация/историческая инкорпорация представляет собой не развитие, а стагнацию. Настоящее развитие, по мнению Рибейро, предполагает, что народ обладает возможностью определять свои собственные цели.

В глазах критического интеллектуала бедность, голод, геноцид и истребление видов никогда не являлись признаками прогресса. То, что «приходит потом» не всегда является улучшением качества жизни, как показывают разрушения, вызванные «сверх-использованием эффективной технологии». Потерпевшие крах системы не свидетельствуют о значимом прогрессе в процессе адаптации к погодным условиям. Напротив, они были побеждены внешними условиями – они stagnировали, приходили в упадок и, в конечном счете, исчезали.

Эти мысли являются особенно актуальными сегодня в контексте призывов к антиросту. Технологическое развитие может углубить неравенство и стать болезненным для более слабых обществ. Благополучие Европы, например, было обеспечено колониальным насилием, при котором большая часть Глобального Юга страдала от усугубляющейся бедности, войн, катастроф и постоянных конфликтов.

> Дарси Рибейро и современная глобальная социология

Переосмысление трудов Рибейро в контексте сегодняшнего дня обогащает глобальные социологические дебаты, посвященные проблематике центра и периферии. Рибейро определял эти понятия не как фиксированные места, а как динамические процессы, когда центр характеризуется

движением эволюционного ускорения, а периферия – демонстрирует процесс рефлексивной модернизации.

Этот подход предлагает нам обратиться к современным мыслителям. Так, например, концептуализация развивающихся систем во взаимодействии с их окружением, развиваемая [Никласом Луманом](#) вслед за [Матураной и Варелой](#), составляет параллель с цивилизационным подходом Рибейры. При этом возникает вопрос, являются ли цивилизации, в конечном итоге, успешными способами коммуникации между обществами, индивидами и окружающей средой?

Идеи Рибейры также находят отклик среди латиноамериканских теоретиков зависимости (Рай Мауро Марини, Ваня Бамбирра, Теотонио дос Сантос) и мирсистемным анализом Иммануила Валлерстайна. Все эти подходы осмысливают кризис глобального капитализма, динамику центра-периферии и антисистемные движения.

В глобальной социологии существенно значимым является призыв к симметричному диалогу. С.Ф. Алатаз [утверждает](#), что южные теории должны избегать «наивно-го нативизма» и развивать революционные космополитические социологии. Опубликованный под ред. Сужаты Пател [ISA Handbook of Diverse Sociological Traditions](#) [Справочник MCA по различным социологическим традициям] демонстрирует этот плюрализм, усиливая диалог между национальными и региональными традициями.

Впереди нас ожидает задача соединения англофонных постколониальных исследований с латиноамериканской деколониальной мыслью, Black studies, субалтерным феминизмом и американо-индийскими эпистемологиями. Эти «новые эпистемические субъекты», испытавшие геополитическую и социальную маргинализацию, привносят критическое осмысление в такие фундаментальные понятия, как государство, нация, капитализм, развитие и демократия.

В рамках такого плюриверса работа Дарси Рибейро становится мостом между Севером и Югом, теорией и практикой. Будучи трансграничным интеллектуалом, он был одновременно социальным ученым, антропологом, изучавшим коренные народы, общественным деятелем и, даже, писателем. ■

Адрес для связи: <miglievich@gmail.com>

* Статья написана на основе книги автора [Darcy Ribeiro, Civilisation and Nation: Social Theory from Latin America](#) [Дарси Рибейро, цивилизация и нация: социальная теория, рожденная в Латинской Америке], Routledge, 2024.

> Инструментализация антисемитизма: многоликая репрессия палестинской солидарности в Германии

* Авторы сохраняют анонимность, опасаясь негативных последствий публикации в учреждениях, где они работают, в германских СМИ, со стороны политиков и немецкой государственной машины в целом.

Рис.: Freepik.

Франческа П. Албанезе, специальный обозреватель ООН по проблемам власти на территории оккупированной Палестины, получила приглашение от профессоров и студентов Свободного Университета в Берлине выступить 19 февраля 2025 года на тему: «Условия жизни, подсчитанные для разрушения: правовые и судебно-медицинские подходы к продолжающемуся геноциду в секторе Газа». По соображениям безопасности ректор университета отменил эту встречу незадолго до назначенной даты. Вследствие этого беседа состоялась в другом месте и транслировалась в университете. Политические акторы Германии обвинили Албанезе в антисемитизме за ее позицию в отношении Израиля, который, как она считает, совершает геноцид в Газе. Давление, принудившее отменить встречу, исходило от мэра Берлина, сенатора Берлина [по вопросам науки](#) и посла Израиля, которые назвали предстоящее событие «тренировочным лагерем» для [сторонников ХАМАС](#). Германские медиа [в репортаже о грядущем событии](#) называли Албанезе «фанатичной ненавистницей Израиля, которая подвергается критике во всем мире». За неделю до этого события Мюнхенский Университет Людвига Максимилиана также отменил встречу с Албанезе по сходным причинам. После этих отмен [Албанезе заявила](#): «Я никогда не видела, чтобы университеты в такой степени находились под давлением, но я также никогда не сталкивалась с таким давлением». Отмена встречи с Албанезе является одним из множества примеров политики замалчивания в Германии.

> Замалчивание несогласия

После 7 октября 2023 года в Германии прошло много протестов и выступлений, которые стали частью глобального общественного движения против геноцида в Газе и проявлением солидарности с Палестиной. Это движение столкнулось с беспрецедентным уровнем замалчивания со стороны властей Германии. В политической социологии и социологии общественных движений умалчивание рассматривается как систематическое подавление, маргинализация или делигитимация голосов, взглядов и других форм выражения, которые бросают вызов господствующим

щим нарративам или структурам власти. Политики умалчивания часто осуществляются с помощью институциональных, политических или дискурсивных механизмов. На сегодняшний день насчитывается [более двухсот публичных отмен различных мероприятий](#). Отменам подвергаются лекции, академические назначения, награды, культурные события, демонстрации кинофильмов и художественные перформансы. Отмены сопровождаются применением полицейского насилия в отношении уличных протестов и даже запретами на использование арабского языка на демонстрациях в Берлине.

В этой статье мы обсуждаем антисемитизм как инструмент замалчивания критики геноцида в Газе и выражения солидарности с Палестиной в научных учреждениях Германии и за ее пределами. Мы фокусируем внимание на конкретном механизме: инструментализации конкретной стратегически сконструированной идеи антисемитизма в Германии как размытого и подвижного инструмента легитимации замалчивания. [Донателла дела Порта](#) описывает протестную политику антисемитизма в Германии в категориях моральной паники, Питер Ульрих ([Peter Ullrich](#)) анализирует феномен авторитарного антисемитизма. Эти понятия показывают, что обвинения и фреймирование действий и речевого поведения как антисемитского имеют пористые границы, что позволяет им выполнять функции идеологического политического и стратегического инструмента замалчивания, который используется различными акторами в различных пространствах и обстоятельствах. Мы не утверждаем, что антисемитизм в Германии не существует. Мы знаем, что он существует и ему противостоит долгосрочная антифашистская и антирасистская борьба в стране. Мы утверждаем, что критический дискурс подавляется, когда ярлык антисемитизма используется для дегитимации всех видов критики израильского правительства или акций солидарности с Палестиной. Неразборчивые обвинения в антисемитизме препятствуют обсуждению военных преступлений, геноцида, нарушений прав человека и израильской политики, наносящей ущерб Палестине и палестинцам, препятствует честному и открытому обсуждению, в котором остро нуждается Германия.

> Почему происходит замалчивание?

Многие наблюдатели за пределами Германии озадачены недостатком сопротивления и осознания неправильного использования антисемитизма как инструмента замалчивания в этой стране. Надо признать, что обвинения в антисемитизме являются инструментами репрессий и в других странах; наиболее заметно это явление в США. Однако германский контекст обладает особенной выразительностью.

Во-первых, уникальность германского феномена определяется соотношением Холокоста и германской идентичности, которое конструируется как отражающее существенную ответственность перед правительством Израиля и соединяет безопасность государства Израиль и *Staatsräson* Германии. Это отношение реализуется в работе германских учреждений. Борьба с антисемитизмом и его предотвращение стали приоритетом германского правительства и частью его исторической ответственности за Холокост. Такое отношение глубоко интегрировано

в правовые документы, политический дискурс и систему образования.

Во-вторых, эти институты формируют социальные правила, нормы и ценности германского общества и находят выражение в его самоидентичности. Часть немецких левых даже усвоили так называемое «[антигерманское сознание](#)», согласно которому национальная идентичность Германии неразрывно связана с ее фашистским и антисемитским прошлым, и свою позицию они обозначают как произраильскую. При этом они фреймируют критику израильской политики как неизбежно антисемитскую. Такая культура коллективной памяти основана на исторической вине за Холокост и проявляется в, значительной степени, некритической и безусловной поддержке израильского правительства со стороны немецких учреждений, СМИ и значительных сегментов общества независимо от политических разделений. Такая позиция создает нежелание вовлекаться в нюансированный анализ израильской политики.

В-третьих, крайне правые – ключевые сторонники антисемитизма – также активно поддерживают действия замалчивания солидарности с Палестиной. Таким образом они создают прикрытие для своих расистских антииммигрантских антиарабских и исламофобских идей и политики. Эта тактика позволяет им продолжать легитимацию расизма в отношении мусульман и других меньшинств.

И наконец, многие другие акторы, принадлежащие к мейнстриму, которые не тяготеют к этим политическим идентичностям и группировкам, сохраняют молчание из-за страха «сказать что-то не то» (“saying the wrong thing”). Необходимо отметить, что близкие и непоколебимые отношения между немецким и израильским государствами в политэкономической перспективе формируются также благодаря сильному и прибыльным бизнес-инвестициям и торговле. Германия является крупнейшим торговым партнером Израиля в Европе и в течение десятилетий является вторым крупнейшим поставщиком оружия для Израиля. В 2022-2023 поставки существенно возросли и приносят германской промышленности большие доходы. Эти страны имеют [долгую историю военного сотрудничества](#).

Большие сегменты медиа не вовлекаются в открытые дебаты и критическое исследование. СМИ не сбалансированно и с явным уклоном освещают израильские взгляды на происходящее и минимизируют или пропускают репортажи палестинцев или те, в которых рассказывается о страданиях и смертях палестинцев. Выражения поддержки Палестине и палестинскому народу называются антисемитизмом и исходящими от “[сил поддержки ХАМАС](#)” или от “[ненавистников Израиля](#)”.

> Конструирование антисемитизма как гибкий и расплывчатый инструмент репрессий в Германии

Инструментализация антисемитизма и ее легитимность базируется на определениях Международного Альянса Памяти о Холокосте (МАПХ, International Holocaust Remembrance Alliance: IHRA). [Рабочее определение](#)

>>

[антисемитизма](#) получило широкое распространение в германских институтах. Однако это определение [критикуют](#) за его крайне расплывчатый характер в понимании антисемитизма, что делает любую критику Израиля [потенциально антисемитской](#). По мнению авторов Иерусалимской Декларации по Антисемитизму ([the Jerusalem Declaration on Antisemitism](#)), в определении отсутствует ясность в отношении «различия между антисемитской речью и легитимной критикой Израиля и сионизма». Именно расплывчатость определения антисемитизма, данное МАПХ, способствует его широкому распространению и стратегическому (политическому и идеологическому) неверному использованию в Германии.

Недавно Германский Парламент единогласно всеми основными политическими партиями принял две государственные резолюции: «Больше никогда наступило сейчас: защита, сохранение и усиление еврейской жизни в Германии» (7 ноября 2024 года) и «Противодействие антисемитизму и враждебности в отношении Израиля (*Israelfeindlichkeit*) в школах и университетах и обеспечение свободного дискурсивного пространства» (30 января 2025 г.). Обе Резолюции нацелены на идентификацию антисемитской речи и действий (по критериям МАПХ) и применение санкционных механизмов в общественных учреждениях страны. Особенно вторая резолюция представляет детализированное описание таких санкций, как запрет действий и выступлений, призывающих к бойкоту, включая «акции Движения, выступающего за бойкот, отчуждение активов и санкции (BDS movement), и аналогичные движения». Определение МАПХ используется как инструмент замалчивания несогласия и часто применяется в университетах.

Такие международные правозащитные организации, как *Amnesty International* (Международная Амнистия), ученые, адвокаты и исследователи антисемитизма подвергают жесткой критике обе резолюции за ограничения академической свободы. Вместо того, чтобы «защищать еврейскую жизнь», эти документы приводят в действие авторитарные по своему характеру инструменты, которые препятствуют интеллектуальному обмену и производству знания. Они очевидным образом открывают двери для будущих политических интервенций в сфере образования, нормализуя профилирование ученых по критериям обвинения в антисемитизме в Германии и за ее пределами. Это может усилить негативные эффекты самоцензуры (self-silencing) и ограничения международных обменов между университетами Германии. Недавно один из авторов МАПХ, [Кен Стерн, заявил](#), что «наше определение никогда не предназначалось для того, чтобы быть инструментом, сдерживания свободы слова на студенческом кампусе».

> Замалчивание в академии

Существует длинный список публично доступной информации об отмене выступлений, конференций, семинаров, академических встреч, должностных назначений и исследовательских грантов, привязанных к поддержке Палестины, которые документируется в Архиве Молчания ([Archive of Silence](#)). Так, например, Кельнский Универси-

тет отменил приглашенную профессиру Нэнси Фрезер. Доктору Гасану Абу Ситтаху, британско-палестинскому хирургу и ректору Университета Глазго, запретили въезд в Германию. Однако, мы гораздо меньше знаем о замалчивании, которое происходит за сценой и не становится публично известным, поскольку сбор систематических данных об умалчиваемых действиях крайне затруднен. Мы уверены, что во всех университетах Германии действует практики замалчивания. Ученые постоянно обсуждают друг с другом опыт и информацию о таких случаях, поступающую из разных германских университетов. Приведем несколько примеров этой практики, которые нам поведали те, кто решил остаться анонимным.

- Исследователю, подписавшему открытое письмо, призывающее к гуманитарной помощи в Газе, поступил звонок от его декана о сигнале анонимного родителя еврейского студента, который назвал исследователя «анти-евреем» и выразил озабоченность безопасностью еврейских студентов. Чтобы избежать угрозы расторжения своего трудового соглашения, исследователь убрал свою подпись.
- Приглашенному профессору рекомендовали не звать на организованную им конференцию пропалестинских участников, чтобы избежать репрессий со стороны руководства университета и негативной медийной огласки.
- Демонстрация палестинского документального фильма была отменена из соображений безопасности.
- Преподавание цикла лекций о (де)колониализме и Палестине не было одобрено из-за опасений столкновения с языком ненависти.
- Руководство университета вмешалось в планирование события, посвященного обсуждению движения BDS.
- Специалист по изучению геноцида столкнулся с запретом использования в процессе преподавания термина «поселенческий колониализм», из-за того, что он может вызвать потенциальный дистресс студентов.

Со всеми этими случаями столкнулись исследователи, занимающие прекарные научные позиции, – аспиранты, постдоки, профессора без постоянного контракта, и, в основном – не немцы. В целом различные случаи замалчивания подогревались страхами медийной огласки или представлениями об эмоциональном ущербе для студентов.

Некоторые университеты Германии стали центрами студенческих протестов. Руководство университетов призвало полицию для насильственного разгона протестующих, и в некоторых случаях студенты были привлечены к административной ответственности и предстали перед судом. В университете Гамбурга и Свободном Университете Берлина студенческие протесты *были запрещены*. [Германская пресса](#), в особенности таблоид BILD, оказывали давление на университеты, призывая их уволить профессоров, подписавших письмо в поддержку права студентов на протест, называя такие письма проявлениями языка ненависти. В том редком случае когда президент Колледжа Алисы Соломон в Берлине не стала вызывать полицию для разгона протестующих студентов, в печати ее обвинили в нарушении профессионального долга заботы о сотрудниках и студентах университета, а консер-

вативные политики [призвали к ее отставке](#). В последнее время, в апреле 2025 года, берлинские миграционные власти [запустили процедуру депортации четырех негерманских студентов](#) за их участие в протестах на кампусе.

> Подавление уличных протестов

После 7 октября 2023 года во всем мире, включая Германию прокатилась волна протестов против геноцида в Газе. В протестах участвуют различные группы активистов, НПО, низовые организации, движение за мир, международное правозащитное движение, движения солидарности (включая еврейские организации), а также антирасистские и продемократические группы Германии. Эти уличные протесты получили ярлык антисемитских и потому столкнулись с репрессиями, включающими значительное полицейское насилие и правовые ограничения со стороны местных правительств, которые часто поддерживали таблоиды и некоторые мейнстримные медиа.

В Берлине, городе с самой большой палестинской диаспорой в Европе, за год между октябрем 2023 и октябрём 2024 года произошло около 100 протестов. Их участники столкнулись с полицейским физическим насилием, арестами и запретами. Полиция часто использовала тактику эскалации, приводившую к [сотням арестов](#) (которым также подвергались дети); задержанным предъявлялись различные обвинения, включающие подстрекательство, признаки терроризма и обвинения в поддержке ХАМАС. В некоторых случаях обвинения приводили к запуску процедуры депортации не-граждан.

При замалчивании протестов использовалась иная тактика. В феврале 2025 года власти Берлина запретили использование арабского языка в лозунгах (устно и на транспарантах). Было также запрещено использовать барабаны, чтобы полиция могла различать разговоры на арабском языке. Такие таблоиды, как *BILD* и *BZ*, не только поддерживали языковой запрет, но также [призывали к более жестким мерам](#). Арабский язык [криминализован](#) и описывается как язык «пропагандистских оскорблений», что еще больше подпитывает анти-исламские и антиарабские настроения.

Жестокие репрессии основаны на широко распространенных обвинениях в антисемитизме, проявления которого находят в песнях, символах и лозунгах. Использование генерализованных обвинений в антисемитизме для легитимации насилия и подавления протестов также оставляет без внимания местный контекст. Так, например, в Берлине значительная часть протестов проходит в

районах Нойкельн и Кройцберг (Neukölln, Kreuzberg), где проживает много арабов и мигрантов; эти районы всегда были центрами общественной активности и политической мобилизации. Они получили ярлык «проблемных территорий» в связи с большой долей мигрантов и частыми столкновениями между полицией и участниками протеста. Подавление протестов в этих районах в прошлом связано с расиализацией полицейского контроля. Этот тип репрессий не только препятствует свободе собраний и митингов, но также усиливает расиализацию полицейского контроля и, в целом, государственного контроля голосов несогласных.

> Инструментализация антисемитизма

Ставки высоки: инструментализация антисемитизма в целях подавления легитимной критики израильской политики, военных действий и геноцида усиливает все более авторитарный общественный и политический климат в Германии. Следствия этих процессов обширны и многосторонни. Они оказывают политико-идеологическое влияние на исследования и образование, представляя прямую угрозу академической свободе. Эти тенденции делают возможным реализацию двойного стандарта в реализации прав на собрания и протесты, благодаря криминализации мигрантских сообществ – в особенности, арабговорящих, и таким образом усиливая антимусульманские и антиарабские проявления расизма в германском обществе. Все это приводит к нормализации крайне правых, которые эксплуатируют эту динамику для отвлечения внимания от крайне правового антисемитизма. Таким образом политизация антисемитизма как инструмента замалчивания также отвлекает людей от борьбы с реальным антисемитизмом.

В современной Германии существенно ограничено дискурсивное пространство содержательной дискуссии о расизме, ксенофобии и антисемитизме, что создает прецедент для дальнейших ограничений деятельности гражданского общества. Многоликое и стратегическое использование антисемитизма как политического и идеологического орудия замалчивания в Германии формирует траекторию, которая чревата усилением международной изоляции Германии, напоминающую германский *Sonderweg* (германская исключительность). В этом глобальном контексте политические тренды Германии являются предупреждением и призывают к действиям, направленным на защиту свободы речи, протеста, исследований и сохранения принципов всемирной справедливости, направленных против войны и геноцида, где бы они ни происходили. ■

> Фрагментированный город: критика антиженского урбанизма в Иране

Армита Халатбари Лимаки, независимая исследовательница, архитектор и дизайнер, Иран

Красный шарф, Тегеран – Комплекс Нираван, 2014. Фото: Армита Халатбари Лимаки.

Работа с городским пространством для женщин и невидимость женщин в процессе принятия основных урбанистических решений нуждается в полноценном обсуждении, особенно в контексте страны с религиозными законами. В этом эссе обсуждается пример несправедливости в отношении женщин в этом контексте и поразительные различия между стилем жизни и тем, что написано в законах и официальных текстах. Я руководствуюсь теоретической методологией и, опираясь на критическую оптику, обсуждаю сложное взаимодействие между женщинами, городскими пространствами и социальной справедливостью в контексте конкретного подхода к культуре.

> Знаки не могут создать среду для женщин

Около 20 лет назад в Иране в рамках городского планирования было предложено создание «Парка для женщин» (“Ladies’ Park”) с целью укрепления женской свободы и

социальной витальности в публичном пространстве. Целью этого проекта было создание чувства безопасности и комфорта для женщин, с помощью выделения отдельных, предназначенных только для них, сегментов публичного пространства. Дизайнеры разработали парки с роскошными деревьями, кустарниками, фонтанами и цветочными клумбами, однако действующие законы продвигали совершенно другие идеи, которые совершенно не соответствовали фундаментальным целям пространства для отдыха. В результате за исключением небольшого числа посетительниц, большинство женщин воспринимали безопасность и спокойствие этих мест как искусственный и нереалистичский конструкт, навязанный им сверху без учета их потребностей.

Причина провала этого плана и его непопулярности заключается в ложном допущении, что некоторые вещи, которые являются фундаментально не разделимыми, могут быть разделены. Существуют качества городской среды,

которые не могут быть пространственно ограничены; некоторые характеристики города являются фактически частью его ДНК. Поэтому попытки закрепить определенное место за таким динамическим качеством и захватить то, что находится в постоянном движении, привело всего лишь к чувству разъединения и поэтому было обречено на провал. Точно так же, как нет необходимости вешать ярлык «место для мужчин», чтобы вызвать ощущение маскулинности городской среды, простое размещение у входа в парк знака-объявления — «Парк для женщин» — недостаточно для создания женского пространства.

> Пространственные ограничения нематериальных и флюидных свойств ведут к фрагментации эмоций

Сходные проблемы возникают при аллокации публичных пространств, предназначенных для создания чувства витальности и энтузиазма. Я не утверждаю, что существует что-то принципиально неправильное в зонировании территорий для различного пользования. Я хочу лишь указать на более фундаментальный разрыв, а именно «эмоциональное зонирование», которое является существенным, повсеместным и фундаментально неустойчивым. Такие характеристики, как дружелюбность, радость, прозрачность и чувство близкого знакомства в отношении окружающей среды, считаются существенными компонентами здорового города и не подчиняются никаким писанным законам или регуляциям сверху.

Выделяя конкретные географические территории для аллокации нематериальных и флюидных качеств города, мы производим фрагментацию пространственной системы, при которой отдельные сегменты среды перестают восприниматься как интегральная часть городского пейзажа. С помощью такой компартиментализации мы допускаем проявление определенных сквозных свойств города лишь в определенных пространственных границах и получаем в результате неэффективный и незавершенный продукт городского дизайна. Это значит, что мы молчаливо признаем, что город должен быть разделен на сегменты, в рамках которых ожидается соответствующее поведение, не уместное за их пределами.

Из этого следует, что общий объем «приятного жизненного опыта» возрастает с увеличением числа общественных парков и мест отдыха, а в таких условиях целостный эмоциональный пейзаж не распространяется на весь город. Вместо этого город будет напитан фрагментированными не связанными между собой эмоциями, а у граждан не будет иного выхода кроме поиска и интернализации соответствующих эмоций в конкретных пространствах. В конечном итоге, такая фрагментированная

окружающая среда не способствует умеренному поведению, а достижение коллективного удовлетворения и удовольствия при таких условиях невозможно.

> Город всегда найдет место для своих жителей, и иерархическое планирование не может этому помешать

Я считаю, что подобные планировочные решения, целью которых является снижение хаотичности реального мира, только усугубляют существующий дискомфорт. Отдавая приоритет визуальному порядку перед внутренним порядком жизни, они, несмотря на присущую им дисциплинирующую природу, создают новую форму напряжения в тандеме с такими уже знакомыми и легитимными мотивами, как закон и конвенциональные контракты. Именно по этой причине жесткие и статичные схемы зонирования, которые игнорируют динамичную природу человеческого поведения, обречены на провал: они представляют собой либо ритуальные изображения, демонстрируя соответствие тем свойствам среды, которых явно не достаточно, либо являются способами избегания ответственности.

Иерархическая система, которая остается безгласной перед лицом социального неравенства, и, по всей видимости, стремится мерить всех по одному фиксированному стандарту, в конечном итоге порождает сегментированное общество, разделенное на обособленные классы, в котором некоторые горожане вполне довольны навязанным им порядком, а другие остаются за бортом. Такой сценарий предполагает, что бедность оказывается неразрешимой проблемой, насилие, преступность и противоправное поведение становятся общими местами, а удовлетворенность становится редким и драгоценным исключением.

Я полагаю, что иерархическая структура, построенная на физическом местоположении, прежде всего, ведет к постепенному изменению душевного состояния личности. На мой взгляд, городские правила должны быть, прежде всего, согласованы с существующими культурными нормами, ценностями и социальными кодами города; мы не можем ожидать, что город подчинится незнакомым ему инструкциям. Следовательно, несмотря на необходимость правового и административного регулирования, обеспечивающего контроль развития городской среды, нехватка экзистенциального значения и признания уникальных свойств городского сообщества сделает законы бессмысленными, а культурные трансформации нереалистичными. ■

Адрес для связи: armita.khalatbari@yahoo.com

